ЭМИЛЬ АМИТ

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

Эмиль Амит

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

Повесть

От тепла она возвращалась к холоду. Чем ближе оставалось до Москвы, тем реже проглядывало солнце, густел туман. Сквозь мутный полог едва виднелись силуэты многоэтажек, расплывчатые кроны деревьев, вереницы машин, с включенными подфарниками ожидающих за шлагбаумами переездов, когда минует поезд. Самые нетерпеливые уже высыпали с вещами из купе и по названиям пригородных станций старались определить, долго ли еще ехать. Наконец поезд резко замедлил ход. Клара надела плащ. Перед зеркалом распушила расческой выгоревшие добела волосы, повесила на плечо сумку с длинной ручкой, взяла ведро с кизилом, завязанное сверху марлей, и с трудом сдвинула с места битком набитую кошелку – благо, под ней ролики, и ее не было необходимости поднимать. Выйдя в проход, она встала у матового, как экран телевизора, окна, стала вглядываться в людей, заполнивших перрон, и с волнением гадала, получили ее телеграмму или нет. Встречающие торопливо двигались по лоснящемуся асфальту, разбивая вдребезги зеркальца луж, стараясь не отстать от проплывающего мимо вагона, и тоже в свою очередь вглядывались в мокрые с потеками окна. В толчее, кажется, промелькнуло лицо Михаила, ее мужа, и пропало, она даже не успела махнуть ему рукой.

Вагон наконец замер. Люди двинулись, продвигая перед собой чемоданы, баулы, мешки. Она, держа перед собой ведро, еле доволокла до тамбура кошелку. Михаил, взявшись за поручень, прыгнул ей навстречу, подхватил за ручки кошелку, взял ведро, и лишь когда она оказалась на перроне, обнял ее за плечи и ткнулся в висок губами, пошмыгивая холодным носом.

Они жили вблизи станции метро и для них подземка была сущим спасением – самым удобным видом транспорта.

С шипением сомкнулись двери голубого вагона, за окном замелькала, стремительно уносясь назад, стена тоннеля, увитого кабелями различной толщины и проводами, и на миг ей показалось, что они мчатся сквозь длинный вязаный чулок, а там, где вязка расползлась, зияют дыры, в которые она видит залитые светом станции с причудливыми изразцами и мраморными колоннами, поток людей устремлялся то к двери, то от двери, ее толкали, и снова поезд с грохотом нырял в темноту, из которой, к счастью, они выберутся с минуты на минуту на белый свет, где кипит настоящая жизнь; летят мимо, сливаясь в сплошную черно-белую полосу, и стена, и провода, и время; так проносятся и дни, что потом не отличить, который из дней был счастливый, а который невезучий. Так проносится вся жизнь. Отдалятся, потускнеют и вскоре забудутся и эти двадцать с небольшим дней, что промелькнули в ее однообразной серой жизни, как сверкающие станции метро, как праздничный фейерверк...

Господи, ее чуть не сбили с ног. Клара вздрогнула, когда муж, бесцеремонно вытолкнутый вывалившейся наружу лавиной, громко позвал ее; только тогда, очнувшись, прижимая под мышкой сумку, она ринулась к двери, расталкивая пассажиров, и успела-таки выскочить на платформу сквозь прорезь едва не прищемившей ее двери.

Михаил попрекнул, что зазевалась, она ответила резковато. И до самого дому они шли, не разговаривая, он впереди, она чуть приотстав.

Дверь открыла свекровь, с которой Клара прекрасно ладила, обняла невестку, расцеловала и сразу препроводила в ванную, сказав: «Я там все приготовила». А сама тотчас принялась разбирать кошелку, перекладывать все в холодильник, восхищаясь, ахая и охая, фруктами, радуясь, что они так хорошо перенесли дорогу. Вот Алька обрадуется – приговаривала она и цокала языком.

Алька была еще в школе. Ради нее-то Клара и старалась, приехала ни свет ни заря в Симферополь, чтобы успеть до отъезда побывать на базаре, хотя могла еще полдня провести у моря. Поезд отходил под вечер. А она в середине дня была уже на вокзале с тяжелой ношей и просидела в скверике на скамье, стиснутая с обеих сторон людьми, такими же, как она, пока не подали поезд. А попробуй-ка все это купить тут на рынке, без порток останешься. А Алька растет, ей витамины нужны…

Пока Клара вышла из ванной, распаренная и порозовевшая, свекровь накрыла на кухне стол. Рядом с мелкими тарелками были расставлены рюмки, а посередке красовалась запотевшая бутылка «Посольской». Расселись. свекровь сама разлила водку: «Ну, с возвращеньицем!..»

Чокнулись. Михаил, однако, был хмур, рюмку протянул, на жену не глядя, осерчал, что она грубо ответила в метро. Или все еще злится, что уехала на юг вопреки его желанию. Не то чтобы он не отпускал ее, а просто не хотел, чтобы она с Нинкой ехала. «Сама я вряд ли когда-нибудь выберусь! Тебе-то что? Тебе какая разница?» – возмущалась Клара. «Слаба она на передок, вот что!..» – брякнул он в сердцах. «А мне-то что до нее? Я к ней в сторожа не нанималась!..» И пошло-поехало, пока не рассорились. Так и уехала...

Надо же, будто что-то предчувствовал:

– Ладно тебе дуться, – сказала Клара, заставив себя улыбнуться, и еще раз чокнулась с ним рюмкой.

Выпили, стали закусывать.

Лицо у Михаила из-за того, что много курил, было землистым. Прежде она почему-то не замечала, что у него дряблые, с прожилками щеки, тонкие бесцветные губы. А когда наклоняется, чтобы пихнуть в рот шматок соленой капусты, на макушке сквозь рыжеватые редкие волосы просвечивает лысина в мелких крапинках, будто отрубями присыпана. Когда из-за чего-то дуется, его блекло-серые глаза с красноватыми у основания ресниц веками и вовсе угасают.

Свекровь поставила на стол вазу с вымытыми персиками.

– До чего же славные, прямо из райского сада, – приговаривала она. – Мягкие, нежные, хоть и не очень крупные. Эти, похожие на абрикосы, гораздо слаще тех, что с грубой бархатистой кожуркой.

Михаил работал в автобазе, от него всегда пахло бензином. Может, она вбила себе это в башку и ей мерещилось? Вот и сейчас, быстро захмелев, он говорил что-то о моторах, о нехватке запчастей, о разбавленном горючем, о том, сколько предполагает получить премии в этом квартале, что собирается дать ей денег на зимнее пальто, а Альке подарить ко дню рождения коньки для фигурного катания.

Клара выбрала персик, румяный, словно лакированный, в капельках воды, надкусила и стала высасывать сок.

Муж что-то нудновато говорил, уже с трудом ворочая языком, а она сидела, прижимая к губам персик, устремив затуманенный взор куда-то вдаль и чему-то еле приметно улыбалась.

Свекровь поднялась и, повозясь в коридоре у вешалки, сказала, что пойдет встречать Альку, и ушла.

Встречать Альку было совсем еще рано. Клара поняла старухину хитрость – она и прежде нередко так поступала – решила оставить их одних, учтя, что они почти месяц жили врозь. Пошла, небось, по магазинам, выстаивать в очередях. Клара смекнула, а Михаил, кажется, нет. Он опять налил ей и себе водки. Выпили молча. Каждый за свое. Она подумала о том, что снова начинается ее прежняя жизнь, такая же горькая, как эта водка. Он крякнул, сморщив лицо, закусывать не стал, а лишь провел по губам ладонью. Закурил свой едкий «Беломор» и сидел как-то съежась, облокотясь о колено, и казался маленьким, едва приметным за столом, заставленным тарелками с остатками еды, рыбьими костями. С застывшим, лишенным выражения лицом он опять что-то забормотал, нес несусветное насчет Нинки, жестикулировал, и пепел с папиросы сыпался прямо ему на колено и на пол. А у нее отпала охота даже на него рявкнуть. Она резко поднялась, загремев стулом, и ушла в комнату, надеясь чем-нибудь занять себя. И тут позвонили в дверь. Слава тебе господи – Алька! Обронив портфель, порывистая, с блестящими глазами, она кинулась к матери, повисла у нее на шее. Щеки у нее были прохладные и влажные, видно, на улице моросил дождь. Алька сказала, что не смогла в школе усидеть и сбежала с последнего урока. Квартира сразу заполнилась ее звонким голосом, смехом. Она принялась рассказывать, перескакивая с пятого на десятое, о своих школьных успехах и неудачах, а мать слушала, широко открыв глаза и кивая, что должно было означать глубокий интерес, а потом, улучив секунду, сказала: «Ступай, открой холодильник, там кое-что для тебя есть».

Алька впорхнула в кухонную дверь. «Фу, как ты накурил, папа!», – фыркнула она и тотчас распахнула узкую створку окна. Вместе со свежим воздухом на кухню ворвался шум машин, людские голоса с тротуара, а из кафе, что было под ними, на первом этаже, доносилась танцевальная музыка.

– Мамочка, какая же ты молодчина! – раздался из кухни полный восторга Алькин голос: это она открыла холодильник. – Мама, а это что за вишенки, длинненькие какие-то?..

– Это не вишенки. Кизил. Сварим варенье. Дядя один тебе послал, – хотела сказать, но не сказала.

На журнальном столике лежал старый «Огонек» с Пугачихой на всю обложку. Клара включила торшер и, опустившись в кресло, раскрыла журнал. Посмотрела цветные репродукции, пробежала глазами полстраницы – ни словечка в голове не застревало. Бросила журнал на столик, откинулась на спинку кресла и, закинув руки за голову, закрыла глаза.

Алька на кухне весело разговаривала с отцом, с хрустом откусывая яблоко. Потом принялась прямо на подоконнике колоть орехи. Ну, сколько раз ей мать говорила, чтобы она этого не делала!..

Дверь в прихожей отворилась и, шумно дыша, ввалилась свекровь.

– Как же так мы с тобой разминулись, а, внученька? – начала она с порога, услышав Алькин голос. – Пока я в очереди простояла, ты из школы деру дала, да?..

– Ага! – Алька звонко рассмеялась.

Свекровь отнесла сумку со свеклой и капустой на балкон и включила телевизор.

Весь вечер они просидели втроем, уткнув взгляды в телевизионный экран. Алька на кухне делала уроки. А закончив, тоже присоединилась к ним. Тогда Михаил встал и отправился на кухню курить. К тому же там еще кое-что оставалось на донышке бутылки... Он и в прежние времена, когда еще был парнем хоть куда, а Клара юной совсем девкой, мог просиживать там часами, куря папиросу за папиросой, дожидаясь, пока в комнате выключат телевизор и все угомонятся, уснут. Чтобы затем тихонечко, на цыпочках, кляня про себя скрипучие половицы, подкрасться к постели жены. С первого дня их брака жили в малогабаритной однокомнатной квартире, переделенной широким платяным шкафом. Они занимали большую половину, зато проходную, и были вынуждены ухищряться на всякие выдумки, чтобы оказываться рядышком, как и положено молодым супругам. Клара, бывало, глаз не смыкала, лежала тихо в темноте, ждала Мишку, своего косолапого. Тогда еще был жив свекр и – да будет пухом ему земля! – страдал бессонницей. Клара кляла его в мыслях за то, что кашляет, скрипит пружинами старого дивана, за то, что кряхтит и вздыхает, никак не засыпает. А случалось еще и не то: муж подкрадется, бывало к ней в темноте, юркнет под одеяло, сцепят они объятья, а свекр тут как тут, является, как привидение, в нательном белом белье, идет на ощупь мимо них, расставив руки, натыкаясь на стулья, на тумбочку, в туалет...

И так вот всю жизнь: обнимаешься с законным супругом, а боишься невзначай скрипнуть кроватью, громко вздохнуть; только и знаешь, что шепчешь на ухо ему, а он тебе: «Тише, мать, кажется, еще не спит… Тише, батя сейчас поднимется...» И как только они Альку умудрились сотворить? – просто диво какое-то!..

Тесть умер, так и не дождавшись новой квартиры, пробыв в очереди ветеранов лет пятнадцать, а то и больше. Тут подросла Алька. Теперь Михаилу с Кларой приходится и вовсе врозь спать… А он – по старой привычке – и теперь засиживается до полуночи на кухне: ждет, когда мать и Алька уснут. Но у Клары, кажется, иссяк в крови былой хмельной задор, и обычно, когда он подкрадывается к ней на цыпочках, в одних носках, то она чаще всего уже бывает объята крепким сном. И всегда недовольна, когда он ее будит – потому что, сколько они живут, а ни разу близость с мужем не подарила ей ни радости, ни восторга, а зато засыпала она потом с большим трудом, долго ждала, когда возвратится убежавший от нее сон. Вставать же по утрам приходилось в самую рань, чтобы не опоздать в клинику, где работала старшей медсестрой. Нередко приходилось бежать, не позавтракав, невыспавшейся, раздраженной и, случалось, срывала потом свою досаду на коллегах или даже больных. Муж не мог не заметить в ней перемену, постепенно и сам охладел и нынче беспокоил ее по ночам все реже и реже...

По телику показывали старый фильм середины шестидесятых годов. Свекровь сидела в кресле, сложив руки на округлом животе, и клевала носом. Очки упали ей на колени, она и не заметила. До конца фильма оставалось совсем чуть-чуть и ее никто не трогал.

Когда Клара выключила телевизор, Алька постелила себе и бабушке. Теперь она занимала место деда. Они спали с бабушкой на двух кушетках, голова к голове, в «светлой половине».

Клара прошла в «темную половину», включила над своей кушеткой бра, широкими взмахами рук, в которых чувствовалось взявшееся невесть откуда раздражение, развернула хрустящие накрахмаленные простыни, заменила белье на своей постели, потом на мужней. Открыв шкаф, вынула подушки, взбила и бросила: вправо – ему на кушетку, влево – себе. Быстро разделась и улеглась. Оправила одеяло на груди и согнутых коленях. Хотела было почитать на сон грядущий, но передумала. Подняв руку, дотянулась до бра и выключила свет. И сразу комната сделалась пустынной, похожей на таинственный грот. И шкаф, и квадратный стол посредине, четыре стула вокруг него напоминали в темноте груду каменных глыб. И не блики неоновой рекламы проникали с улицы сквозь запотевшие стекла окна и тюлевые занавески, мелькали на потолке и обоях, а зыбкие полоски света, преломленные толщей зеленоватой морской воды, скользили и играли на базальтовых сводах старинного грота…

В тишине, из «светлой половины» стало доноситься слабое посапыванье спящей Альки. Немного спустя к нему присоединился храп свекрови, пока еще слабый, но постепенно набирающий силу.

Сюда, в их убогое жилище, всегда, и днем, и ночью, врывается целый океан звуков – гул моторов и сигналы автомобилей с мостовой, голоса на тротуаре, собачий вой – то ли этажом ниже, то ли выше, взвизгиванье дрели за стеной, сонное бормотанье дочки, храп свекрови за перегородкой – она к этим звукам так привыкла, что если поблизости не взвывают сирены пожарных машин, не стреляют, не раздаются взрывы, ей уже кажется, что во всем мире

царит тишина, которая унесет ее, уставшую от бесплодных дневных хлопот, баюкая и качая, навстречу утру...

Клара знала, что Михаил придет к ней. Когда выпьет, он становится развязнее и всегда приходит. Что потом – это неважно. Придет. Чтобы не прерывать сна, а потом не мучаться, она старалась не уснуть, поджидая его с абсолютным равнодушием.

Почти засыпая, Клара услышала, как тихо скрипнули половицы. Михаил ощупью добрался до ее кушетки, и не успела она подвинуться к стенке, тяжело повалился на нее. Она цыкнула: «Тише ты, увалень!» Он что-то забормотал, тыкаясь ей в шею холодным носом. От него разило луком, селедкой, куревом. «Э-эх, налакался!..» – пихнула она его. Он суетился, шаря по ней, что-то жарко нашептывал на ухо, а может, произносил какие-то ласковые слова, но она все равно не слушала, недовольно хмурилась в темноте и вдруг почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Всего на краткое мгновенье всплыл в памяти тот недолгой срок собственной жизни, всего в двадцать дней с хвостиком, на который она с легкостью бы променяла всю остальную жизнь со всем этим рыком автомобилей, мельканьем люминесцентных реклам, с опорожненной бутылкой на кухонном столе и пепельницей, полной окурков, грудой грязной посуды в раковине и этими, шарящими по ней грубыми руками... Она молчала, Она оставалась неподвижной, как неживая, и тогда, когда жалобный всхлип слетел с его уст...

Она закрыла лицо руками, а когда наконец отняла их от глаз, ладони были мокрые.

Михаила рядом не было. Она лишь услышала, как скрежетнули пружины матраса, когда он бухнулся на свою продавленную кушетку.

Ее широко открытые горячие глаза смотрели в потолок, в толщу нависшей тяжелой тьмы. А еще недавно, всего несколько дней назад, она словно жила на иной планете... Чтобы скорее уснуть, она, наверное, должна вообразить себе море, на берегу которого она пробыла, услышать ритмичный шум набегающих одна за одной на песчаный берег волн. Но погрузиться в сладостные грезы, оказывается, куда труднее, чем в теплые, зеленовато-синие, ласково покачивающиеся волны…

Может, Михаил был прав? Может, ей в самом деле лучше бы туда не ездить? Жила же столько времени без того Крыма, и еще бы прожила. Поживала б себе спокойненько, как прежде, и печали не знала. А теперь… Блажен, кто не ведает.

До этого Клара ни разу в Крыму не была. А Нинка моталась туда чуть ли не каждое лето. И весь южный берег знала ничуть не хуже своих Химок, где жила вот уже двадцать лет. Клара, конечно, одна вряд ли решилась бы туда поехать, в незнакомое место, где вокруг одни чужие; к тому же, говорят, татары на старые места возвращаются, которых еще в войну Сталин выслал, злые, говорят, как черти, не моргнув, голову снесут. А с Нинкой рискнула. Нинка –

что ни на есть бой-баба, с ней не соскучишься и не пропадешь. Не сказать, правда, что они закадычные подружки, просто вместе работают, и та ее ни разу не подводила. Если можно что-то серьезное по работе кому-то поручить или доверить, так это Нинке.

Когда до Крыма оставалось всего ничего, всего чуть-чуть, и моря хотя еще видно не было, но небо над горизонтом уже стало зеркально-светлым, а встречный ветер сделался влажным и солоноватым, Нинка спросила у Клары:

– А знаешь, где мы сейчас едем?

Они стояли в проходе, облокотясь о створку опущенного окна, ветер хлестал их по лицу и трепал волосы.

«У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...»

– с пафосом продекламировала Нинка и воскликнула:

– По Лукоморью мы едем! По тому самому!..

И с этой минуты Кларе стало казаться, что они из обыденной жизни въезжают в сказку, что она узнает некий совсем иной мир, иную жизнь, о существовании которых до сей поры и не подозревала. Из Симферополя до самой Ялты они доехали в троллейбусе. Клара привыкла к троллейбусам, разъезжающим только по городу, не предполагала, что они на такие огромные расстояния могут бегать.

Часа три, наверное, ехали, и всю дорогу Клара глаз от окна не отрывала – любовалась крымской природой. Ну, до чего ж она там красива! Уже начало осени, а горы стоят зеленые, леса зеленые с редкими багровыми и золотистыми вкраплениями, и цветов вокруг полным-полно, как летом. По обочинам дороги настоящие лианы с гроздями ярких цветов вьются на скалы, на деревья, нависают то справа, то слева над троллейбусом, и ты едешь словно по тоннелю, оплетенному цветами. А воздух такой, что хочется вдохнуть как можно больше, как выпить лимонаду во время сильной жажды.

Из Ялты они добрались на катере морем до небольшого приморского поселка. Там жила Нинкина знакомая, у которой та каждый год снимала комнату. Она заранее была уведомлена телеграммой и, оказывается, уже который день ждала их, хотя и приходило немало охотников поселиться у нее.

Комната в приземистом с черепичной крышей домике оказалась маленькая, но светлая с двумя небольшими оконцами, с низким просевшим потолком, отчего один из углов казался чуть скошенным. А вся обстановка состояла из двух старомодных железных коек, старого покрашенного охрой комода, накрытого пожелтевшей кружевной скатеркой, ветхого стола в простенке между окон, на котором стояла банка с букетом свежих хризантем, и двух стульев. Над столом висело старинное овальное зеркало с потемневшей и сморщенной во многих местах амальгамой. Скошенный угол комнаты занимал

большой, потемневший от ветхости, сундук, с выпуклой крышкой, обитый медными полосками и бляхами, украшенными какими-то замысловатыми восточными узорами.

Хозяйка, пожилая и худая, с испачканными в земле руками, встретила их у калитки, осторожно обняла Нинку, стараясь не измазать ей блузку, а Кларе приветливо кивнула, проводила обеих в комнату и тотчас опять отправилась в огород, к грядкам с поздней клубникой.

Дворик, в отличие от многих других, набитых, как тыква семечками, дикарями, был чистеньким, ухоженным. Куда ни глянь – цветы. Хозяйка двигалась по нему легко и проворно, постоянно чем-нибудь занятая: то рыхлит маленькой цапкой грядки на огороде, то с секатором прохаживается между яблонек, персиков, всматриваясь в кроны, отсекает засохшие сучки, ветки. «А как же, милые, сама живу, акромя меня никто не сделает!..»

Но главное достоинство этого места, где они нашли приют, по мнению Нинки, в том, что отсюда до моря рукой подать, всего минут пятнадцать пешего ходу. Да оно, море, и виднеется-то прямо с веранды, синее-пресинее, а белый теплоход вдалеке почти неподвижен, словно нарисованный. Их домик на пригорке и весь поселок у них как на ладони. Отсюда виднелись между купами деревьев розовые черепичные крыши татарских старых домиков и серые извивы узкой дороги, по которой медленно ползли, уподобясь разноцветным букашкам, легковушки и замирали на месте, перед тем как благополучно разминуться.

В поселке много-много улочек, коротеньких узеньких и кривых, круто сворачивающих не только влево-направо, но и выгибающихся вниз-вверх, и потому тротуары то и дело переходят в лестницы со стертыми каменными ступенями, помнящими, наверное, еще тавров. Приземистые дома с небольшими оконцами со ставенками, с которых облупилась краска, и двускатными крышами, покрытыми черепицей, по сей день именуемой «татаркой», наверное, стоят под переменчивым небом уже лет полтораста, если не больше, штукатурка со стен местами облупилась, обнажив каменную кладку. Из такого камня, добытого в горах, синего и почти черного, строили в глубокой древности. И до сей поры не снесли этих домов не потому, что никто ни разу не возжелал на их месте возвести себе дворец или построить современные дома, а их, говорят, просто невозможно развалить, такие они прочные...

Слева обзор горизонта ограничивал высокий берег, сплошь покрытый синеватым лесом, в который вкраплены, словно белые и розовые жемчужины, бывшие царские да графские дворцы, отведенные в советское время под санатории, ведомственные пансионаты, но и поныне недоступные простым смертным.

От северных же ветров поселок защищала диковинной формы гора со скалистым гребенчатым верхом. Склоны ее покрыты густым пологом смешанного леса, среди которого местами видны проплешины каменных осыпей. Гора огибает поселок справа и, постепенно снижаясь, вдается в море скалистым мысом. Чуть подалее, напротив мыса, торчат из воды, отражаясь в

синем зеркале залива, несколько высоких скал, похожих на группу сгрудившихся заякоренных баркасов с обвисшими парусами. А когда глядишь на эту гору, приближаясь на катере, с моря, то она напоминает то ли дракона, то ли доисторического ящера с роговидным гребнем вдоль спины и длинным хвостом. Одним словом, распласталось по земле диковинное чудище и вытянуло лапу, пытаясь выгрести из моря подогнанные к нему ветром суда.

Пока они разобрали свои вещи и расположились, день уже начал угасать. Над морем вдоль горизонта разлился закат, окрасив и небо, и море, и горы в багровый цвет.

– Живут же люди, – вздохнула Клара, любуясь закатом с веранды.

– Тут хорошо месячишко пожить, ну два, не более. И то летом, когда народу полно, – отозвалась из комнаты Нинка, роясь подле раскрытого окна в своем чемодане.

– Я такую красоту только на картинках и видела.

– А представляешь, какая тут зимой скучища?!.

– Послушай, Нин, а не пойти ли нам на море, хоть разочек окунуться?

– Да что ты, милая! – хохотнула та. – Море от тебя никуда не убежит. Айда лучше на танцверанду, тут рядышком, в парке. Может, подцепим кого-нибудь, чтобы потом со скуки не подыхать.

– Ну и болтушка же ты!..

– Ты как знаешь, а я не намерена время зря терять. Ну, так идешь со мной?

– Ой, я так устала...

– Как знаешь... Эх, мужика бы настоящего найти!.. – потягиваясь, мечтательно произнесла Нинка.

Никогда не поймешь, шутит она или говорит всерьез.

– Мужика или мужа? – хотела уточнить Клара.

– Муж объелся груш, – Нинка в усмешке скривила губы. – На черта он мне? Чтоб носки ему стирать да жратву готовить? Мужа нынче найти легче, чем настоящего мужика. Мужик мне нужен!

Нинка отправилась на танцы одна, наведя по всем правилам марафет, надев короткое, едва прикрывающее бедра крепдешиновое платье.

А Клара облачилась в ситцевый халат и прилегла, чтобы почитать.

Хозяйка принесла в тарелке вымытых персиков, только что с дерева.

– Угощайся, дочка, из своего сада, – сказала она, ставя тарелку на стол. – Таких ты больше нигде не попробуешь, только у нас тут, в Крыму, в кои-то времена еще татары вывели, в других местах, сказывают, такие не приживаются...

И правда, таких персиков Клара еще не пробовала. Они были гладкие, как абрикосы, только покрупнее, и румяные, с багрянцем. Стоило чуть надкусить, как рот наполнялся сладким, как мед, ароматным нектаром.

Старушка присела на стул и стала разъяснять Кларе, где тут получше столовая, где магазин и что почем на рынке. Жила она давно одна и была рада возможности поговорить с новым человеком. У нее есть дочь, замужем, живет

в Симферополе. Иногда наведывается, только редко. Забот полно, некогда. У самой детишек куча, а еще и работает. Попробуй нынче ты, баба, не поработай, сможешь ли такую ораву прокормить. Вот и приходится потихоньку откладывать деньжат и ей подсоблять. А сын у Алевтины Степановны военный, пограничник. В Закавказье служит. Так того она уже лет пять не видела. Слава, тебе, Господи, пишет иногда письма. Фотокарточку прислал, в погонах со звездочками и фуражке, раскрасавец…

О себе старушка порассказывала, у Клары о житье-бытье ее порасспрашивала, с тем поднялась и ушла, сказав со вздохом: «Ложиться поздненько, вставать раненько – жизнь свою продлеваешь...»

Нинка вернулась поздно. Клара не слышала, когда она вошла, разделась и легла. Спала. Тем не менее Нинка вскочила спозаранок раньше нее и сразу же ее растолкала:

– Поднимайся! Да поскорее! Некогда глаза протирать! Айда на пляж! Надо место занять!

Спросонок Клара не могла сообразить, что значит на пляже место занять. Как в сельском клубе, ей богу. Однако даже уточнять было лень. Ей это стало яснее ясного, когда они туда пришли, проглотив на ходу завтрак. Пришлось изрядно порыскать, лавируя среди голых тел, переступая через ноги, вещи, пока отыскали себе приличный пятачок…

Последующие дни почти ничем не отличались от первого. Спозаранок сломя голову мчались на пляж, чтобы успеть занять себе место под тентом или, на худой конец, под фанерным, похожим на гриб-мухомор, зонтом. В первый день они не могли нигде спрятаться от солнца и чуть не превратились в головешки, плечи и спина сейчас еще болят. А по вечерам они с Нинкой отправлялись или в кино, или в кафе-мороженое, где подавали прекрасные местные вина, или на концерт каких-нибудь заезжих артистов. Только раз Клара из любопытства побывала с подругой на танцверанде, потанцевала с двумя-тремя кавалерами, но не было никого, с кем бы она это делала с удовольствием. И из-за нее, привереды, пришлось Нинке с испорченным настроением ретироваться домой раньше времени.

...А в тот день, выходя в спешке из дому, Клара забыла прихватить запасной купальник, и ей почти с полпути пришлось вернуться. Она не была суеверной и не особо верила в приметы, но почему-то у нее екнуло сердце, а в голове пронеслось: «Что-то случится...»

Утро, однако, для них началось довольно удачно. Они успели застолбить место под облюбованным ими с самого начала слегка перекошенным «мухомором» – и до воды близко, и до раздевалки. Растянулись на полотенцах и, расслабясь, наслаждались в эти утренние часы успокаивающим шорохом волн, криком чаек, прохладой морского ветерка, который ласково гладил кожу. А когда, спустя полчаса или час, солнце приподнималось из-за гребенчатой спины горы-дракона, то сразу начинало припекать, а пляж быстро заполнялся

людьми. Теперь в громких голосах громыханья приемников и магов тонули все естественные звуки. Наставала пора заставить себя подняться, стряхнув полудрему, разбежаться и отдать разомлевшее тело набегающим прохладным волнам.

Середина сентября даже для Крыма выдавалась на редкость жаркая. Близился полдень, когда они с Нинкой обычно переползали в тень. Но они только что вылезли из воды, набарахтавшись до гусиной кожи, и лежали пока на полотенцах, подставив спину солнцу, стараясь согреться. Нинка ткнула ее локтем в бок и тихо шепнула на ухо:

– Глянь-ка налево.

– А что там?

– Обернись – увидишь нечто... По-моему, этот нахал что-то засунул в плавки, чтобы баб завлекать.

Клара прыснула.

– Ну и дурочка же ты, Нинка. Ну тебя...

– К таким бабы сами небось липнут, как мухи на мед летят.

Клара и в этот раз затруднилась бы сказать, всерьез она болтает или дурачится, чтоб ее посмешить. Однако минуту, другую спустя, переворачиваясь на спину, она машинально скользнула мимолетным взглядом по атлетической фигуре лежавшего шагах в трех от нее мужчины. Это был довольно рослый малый, курчавый и загорелый. Впрочем, не сразу и определить, зрелый ли это мужчина или молодой парень – он дня три, наверное, не брился. Скорее всего, не многим старше ее, Клары, а быть может, даже ровесник. Подумала без волнения, однако про себя улыбаясь: «Мог бы кому-то стать превосходным любовником». И всего через какое-то мгновенье она бы о нем забыла, если бы не заметила, что его зрачки сквозь ресницы устремлены на нее: почему-то смутилась, чувствуя, как ее лицо заливает краска, и принялась, как ни в чем не бывало, разглядывать свои овальные, чуть заостренные ногти, покрытые перламутрово-розовым лаком, переливающимся как внутренняя сторона раковины.

Неподалеку маленькая девочка лет пяти в белых трусиках строила крепость из песка. Ну, и молодчина же, девчоночка моя! Недаром говорят, ребенка с пеленок видать, каким станет. Формуя ведерком башенки, похлопывая по песку совочком и ладошками, девочка возвела стены с зубцами и бойницами, облицевала их крошечными, с ноготок ракушками. А внутри крепости домики возвышаются один над другим, с высокими шпилями да ступенями. Прямо сказка! Еще и ров провела вокруг стен. Напротив главной башни с воротами соорудила мост, оснастила его по краям парапетом из ракушек. С раннего утра терпеливо трудилась малышка, высунув язычок. Подхватив ведерко, помчалась вприпрыжку к морю, чтобы принести воды и заполнить ров.

И вдруг, откуда ни возьмись, возник мальчишка, под носом мокро, пузо и ладони в песке, глазами шалыми по сторонам стреляет. Не успела Клара

опомниться, как он прыгнул в середку крепости и давай все крушить ногами, топтать, вдавливать пяткой в песок башни, дома.

Мужчина, о котором Клара уже забыла думать, резко сел, на скулах задвигались желваки; казалось, он готов испепелить мальчишку взглядом; пальцы правой руки судорожно сжали песок – сейчас запустит им в озорника. И Клара строго крикнула:

– Эй, мальчик, ты зачем сломал?!

Тот глянул исподлобья, удивленный, что ему помешали завершить его гнусное дело, и, перепрыгивая через чьи-то ноги, полотенца, пакеты с едой, умчался к своей матери. Та вытерла ему нос, стряхнула песок с ладоней и дала очищенный апельсин.

– Ну, хоть бы для виду побранила, – сказала Клара, глядя в их сторону.

– Кто не умеет строить, тот разрушает. Психология не только малолетних преступников, но и взрослых, – откликнулся мужчина, с лица которого все еще не сошло напряжение.

– Заодно и взрослым досталось на орехи, – усмехнулась Клара.

– А вам не доводилось видеть, как взрослые дяди ломают то, что они не строили? – устремил на нее антрацитово-черные глаза мужчина.

– Вы только гляньте на его мать, вознаграждает сукиного сына, будто он совершил подвиг.

Полногрудая мамаша очистила второй апельсин и вкладывала дольки в рот своему отпрыску, который жевал, пуская сок по подбородку, и время от времени косился в сторону Клары. Она не выдержала и, улучив момент, погрозила ему кулаком.

Тем временем девочка вернулась с ведерком, полным воды, и увидела на месте своего замка одни развалины, растерянно заморгала и глаза ее сразу наполнились слезами.

– Не плач, девочка, – сказал мужчина и резко поднялся с места; он был строен и высок, узловатые мышцы так и играли под гладкой коричневой кожей. – Давай строить снова. Хочешь я помогу тебе?

– Хочу, – кивнула девочка, и в ее синих глазах промелькнул проблеск надежды.

Мужчина, уподобясь мальчишке, бухнулся коленями на мягкий песок, и они, он и девочка, стали строить новую крепость Руки у него были большие и сильные, он загребал ими песок как лопатой и приговаривал, успокаивая девочку.

– Никогда не отчаивайся, если сломали то, что ты построила. А постарайся построить еще лучше… Если опять сломают, ты опять строй. Наш мир таков, девочка. Одни строят, другие горазды только ломать. Так пусть наша возьмет. Представляешь, что бы с миром сталось, если бы разрушители брали верх. Целые города на земле не раз исчезали от войн, от землетрясений, наводнений, а потом жители возвращались и строили снова. А как же, иначе ни одного города сейчас нигде бы не было, ни деревень, ни мечетей, ни церквей...

– А можно и мне принять участие? – сказала Клара, снимая солнечные очки, и неожиданно даже для самой себя вскочила с места.

– Конечно, – обрадовался мужчина. – Чем больше нас будет, тем скорее построим. Верно? – подмигнул он девочке.

– Ага, – улыбнулась та, похлопывая ладошками по песку.

– Тебе в жизни еще много злодеев может встретиться, девочка, – продолжал мужчина, как видно, все еще не уняв всклокотавшего в нем возмущения. – Ты не бойся их. Добрых людей больше на свете, всегда найдутся такие, кто тебе поможет. Строй свои замки, дворцы, украшай ими землю, у тебя здорово получается.

– А вы прямо философ. Слушая вас, даже я не смогла удержаться от соблазна строить замки, – улыбнулась Клара, сортируя ракушки.

Он неприязненно взглянул в сторону пышнотелой мамаши, вытиравшей своему отпрыску ладонью губы.

– А знаете, от скольких бед было бы избавлено человечество, если бы каждый отец и каждая мать с пеленок внушали своим детям, что их предназначение в этом мире – не ломать, а созидать, не разрушать, а строить. Если б не переставали напоминать об этом, а вдалбливали в башку каждый день, каждый час, то – будьте уверены – и в мире взрослых поубавилось бы злодеев, – голос его чуть приметно дрожал.

– Вы, похоже, расстроились не меньше девочки, – заметила Клара.

Его широкие брови сошлись на переносице, а обросшее лицо потемнело. Она увидела его глаза вблизи, они были миндалевидные и грустные, с пушистыми, как у женщины, ресницами. Он молчал целую минуту, прежде чем произнес сдавленным голосом:

– Вчера сломали мой дом, который я построил... И не только мой... Мы при этом никого не убили, хотя было такое желание. Стояли и смотрели. Только душа внутри стонала от боли. И сейчас, как вспомню, стонет.

– То есть как... сломали? – не поняла Клара. – Кто?

– Внешне люди как люди... Человек сто. С кувалдами, ломами… Стая. Еще и бульдозер пригнали. И давай бить, давай крушить, давай ломать...

– Ничего не понимаю, – замотала головой Клара. – Ваш дом? И это в наше время?!

– Именно в наше. Вам трудно понять... А где вы живете?

– В Москве.

– Если бы жили здесь, то слышали бы про наши беды.

– Вы... крымец?

– Татарин я.

– Слыхала я, что теперь ваши сюда едут.

– Едут другие. А мы возвращаемся.

– Какая разница?

– Про вас, москвичей, говорят, что вы не видите разницы даже между настоящими цветами, травой, и искусственными. Все это только на газонах, клумбах и видите.

– Да что вы, – с обидой возразила Клара. – Москва очень зеленый город. У нас полно парков, скверов...

– Да ведь это все равно, что завести кур, уток, индюков и думать, что знаешь птиц.

– А леса у нас вокруг, знаете, какие! Там и птицы всякие есть...

Откуда-то прилетел волейбольный мяч и чуть не угодил в их крепость. Он поймал мяч налету и кинул играющим.

– Знаешь, крошка, – снова ласково обратился он к девочке, которая так увлеклась, что перестала замечать присутствие взрослых. – Когда я был маленький, отец мне говорил: «Каждый должен что-то оставить на земле после себя. Скажем, писатели пишут книги, художники – картины, изобретатели придумывают новые машины. А ты, когда вырастешь, будешь строить красивые дворцы. Простые же люди, такие, как я, обязаны вырастить хотя бы дерево, а еще лучше сад, построить обычный дом… Когда нас с тобой уже не будет, то наши потомки, отдыхая в тени нашего дерева, вкушая фрукты из нашего сада, живя в твоем дворце и моем доме, будут вспоминать нас с тобой, и в эту минуту мы для них будем словно живые...

Он умолк, осторожно проделывая палочкой в башне бойницы. Клара сказала:

– Вам отец, должно быть, оставил и дом, и сад.

– Да, конечно. Недалеко отсюда. Вон за той горой, – кивнул он на вытянувшегося за синеватой дымкой дракона. – И дом был, и сад. Но пришли злые люди – выгнали отца, мать, всю их родню, дом развалили, а сад выкорчевали… Я родился не здесь, далеко отсюда. Но вот вернулся. Уж нет давно ни матери, ни отца, а я вернулся. Вместе с моими односельчанами. И на том месте, где прежде была наша деревня, мы хотим построить себе жилища… Много минуло лет, а злых людей не поубавилось. Мы строим – они ломают. Мы снова строим… Девочка, ну, как тебе крепость? По-моему, не хуже прежней, а?..

– Лучше, – улыбнулась девочка. – Спасибо.

– Ну, вот и играй. Держи оборону. А дядя пойдет, искупается.

И мощно разбежавшись, он нырнул в набегавшую волну, поплыл размашистыми саженками, отфыркиваясь.

Клара возвратилась на место, села на полотенце. Надела темные очки с зеркальными стеклами, чтобы страницы освещенной солнцем книги не слепили глаза, и стала читать.

Несколько холодных капель упали ей на перегретую спину и книгу.

Извините, – услышала она его голос; он стоял рядом и обтирался махровым полотенцем, с давно не стриженных запущенных волос летели брызги. – А что вы не купаетесь? Отличная вода, – сев на край джинсовых драных брюк, он достал из целлофанового пакета два больших красных яблока и одно протянул ей: – Угощайтесь.

Она взяла и поблагодарила улыбкой.

Нинка выбралась из воды, наплававшись и основательно продрогнув. Опустилась, тяжело дыша, рядом с Кларой. Увидев, что они едят яблоки, не без ехидства заметила:

– Вкушаешь Адамова яблока? Стало быть, не миновать греха!

Клара взглянула на нее с укором, перестав жевать.

А он то ли не слышал, то ли не ведал про Адамово яблоко – и бровью не повел.

Неподалеку компания парней и девок продолжала играть в волейбол, Нинка вскочила и присоединилась к ним, чтобы согреться.

– Вас Кларой зовут! – спросил он. – Ваша подруга, по-моему, так вас назвала.

– Да. А вас?

– Асан.

– Асан, – повторила Клара и спросила: – А там, где вы до этого жили, хуже, чем здесь, да?

– Дело не в том, где лучше, где хуже. Здесь – моя родина. Здесь. Вон за той горой.

Подумав, он сказал, что там, быть может, нисколько не хуже. И горы есть, и леса. Разве что моря не хватает, дело в том, что родина его здесь. Вся суть в этом. И он повторил это несколько раз, делая нажим на слове «здесь».

Всю сознательную жизнь Асан провел на природе, в живописной долине, среди гор, где паслись табуны полудиких коней, и себя считал частью той же природы. Но когда отец начинал рассказывать о своей родине, то отцова тоска передавалась и ему, и тогда у него тоже щемило и ныло сердце при одном упоминании о Крыме.

Отец с первых дней, как оказался в далеком чужом кишлаке, подружился с пожилым узбеком Исламом-ота. С тех пор они пасли вдвоем колхозный табун. И дома их стояли рядом, считай, под одной крышей…

Когда в сорок четвертом в глухой и маленький подгорный кишлак привезли со станции на арбах несколько татарских семей, то практичное начальство отобрало здоровых работящих мужчин и развезло по своим бригадам, а Ислам-ота указал пальцем на укутавшегося в протертое одеяло мужчину, тощего и желтого, как шафран, которого еле поддерживала молодая женщина, помогая ему идти, и сказал председателю: «Этого возьму к себе». Подхватил их нехитрый скарб, уместившийся в один небольшой узел, и кивнул, чтоб следовали за ним. Привел их в свой двор, открыл щелястую дверь в пристройку, которая, как видно, служила хозяину до недавнего времени мастерской, но была заново отштукатурена и подметена, и сказал: «Устраивайтесь». А что устраиваться-то? В углу на земляном полу была постлана циновка. На нее и сели муж и жена, прислонясь к стене и прижавшись друг к дружке. Ноги их уже не держали. Третьи сутки во рту у них не было и маковой росинки…

Минут через пятнадцать, показавшиеся вечностью, дощатая дверь со скрипом отворилась и снова явился хозяин с большой чашей в руках, полной какого-то отвара, черного, как кофе.

– У тебя лихорадка, – сказал он, подойдя к мужчине, имени которого еще не знал. – На, выпей. Если не хочешь, чтобы через два дня мы снесли тебя на кладбище, то выпей все до капли. Это горькое лекарство, но ты должен выпить всю чашу до дна.

И отец выпил.

А немного спустя жена хозяина принесла им по пиалушке простокваши и немного плова.

Так они и подружились.

А когда отец окончательно оклемался, он стал пасти с Исламом-ота табун.

В этом кишлаке Асан и родился лет пять спустя после того, как отец с матерью здесь очутились. Мать он почти не помнил. Она умерла, когда ему не исполнилось и трех лет. Лихорадка унесла ее. Не помогло ей и горькое снадобье, которое умел отваривать Ислам-ота из трав, что растут высоко в горах, в тех местах, где нередко и летом не растаивает снег…

У Ислама-ота была дочка Айдин, на два года старше Асана. В детстве и небольшая разница в возрасте, видно, сильно сказывается. Айдин, которая была к тому же боевой девчонкой, всюду ему покровительствовала, заступалась, если местные мальчишки пытались его обидеть, все еще считая чужаком. А когда он вырос до школьного возраста, они стали вместе ходить в школу. Айдин уже училась в третьем…

Отец сильно сдал после смерти матери, сразу постарел, осунулся: видно было, как он по ней тоскует. Махнул на себя рукой, перестал бриться, совершать намаз пятикратно в день, да и водкой не стал пренебрегать. И когда сыну исполнилось двенадцать лет, он, наверное, решил, что ему теперь самое время отправиться на поиски своей незабвенной жены. У его изголовья стояли Асан и Ислам-ота, когда он, умирая, в бреду так и сказал: «Пойду, поищу, сынок, твою матушку. Быть может, смилостивится Аллах и сведет нас снова вместе».

Кто знает, что стало бы с Асаном, не будь Ислама-ота. Он заменил ему отца. Теперь у него с Айдин и отец стал один на двоих. Асан носил тюбетейку, полотняные штаны свободного покроя с провисшей проймой и крепким учкуром вместо резинки, рубашку на выпуск подпоясывал бельбагом, и ничем не отличался от кишлакских парней, кроме грусти в глазах и тоски по благословенному Крыму.

Ислам-ота, у которого уже поседели голова и борода, потихоньку учил его своему мудреному ремеслу. Во время каникул всегда брал с собой в горы на джайляу, летние пастбища. Ему был необходим напарник, и Асан изо всех сил старался заменить отца. В четырнадцать лет он умел, настигнув, заарканить коруком дикую лошадь, оседлать и за короткий срок укротить. Он умел карабкаться, как снежный барс, по скалам. Он подружился с вожаком табуна

Каурым, который и близко не подпускал никого другого, кроме него. По первому его зову Каурый, распустив по ветру хвост и гриву, мчался к Асану… В табуне более половины жеребят было потомством Каурого…

Произнеся последнюю фразу, Асан надолго умолк, обдумывая, о каких шалостях юности еще можно поведать малознакомой женщине, а о каких лучше умолчать.

Перед ним и сейчас, стоит закрыть глаза, возникали синие горы, на вершинах которых и летом белеет снег; там, наверху, где пуржит и в июне, где остается летовать зима, растет красный и сочный, как лимон, ревень, с большими, кудрявыми, как у моркови, листьями. Асан очень любил им лакомиться и лазил за ним на самые высокие, крутые вершины, рискуя сорваться и разбиться насмерть… Склоны гор были сплошь в темно-зеленых можжевеловых лесах. Внизу, в межгорье, раскинулась не очень широкая, но простертая далеко-далеко в длину долина, местами расчлененная поперек длинными языками каменистых осыпей, которые словно бы тщились, соревнуясь друг с другом, перекрыть путь юркой голубой речке, которая проворно огибала их и, смеясь, бежала себе дальше. В этой долине и пасли Ислам-ота и Асан свой табун, перегоняя его через тесные проходы в осыпях с одного джайляу на другой.

Однажды Асан увидел, как Каурый, растолкав лошадей, выгнал из середины табуна свою избранницу, молодую белую кобылицу, и ну вертеться, пританцовывая, подле нее, то правым боком к ней ластится, то левым, храпит и фыркает, губами ей всю морду, шею обмусолил, норовит силой иль обманом ухватить зубами ее за холку, а у самого в паху пружинит огромный толстый лом, то напрягаясь и ударяясь о брюхо, то опадая. Волнение его передалось и белой кобылице, и по ее бокам пробежала дрожь, однако она из кокетства ли, боязни ли не подпускала Каурого близко, то клацала зубами, то взбрыкивала задними ногами. А он, снося укусы и удары, все тянулся к ней, тянулся. Копыта их сминали траву, цветы, и земля там, где они топтались, стала черной. Асан стоял, остолбенев, и смотрел, как завороженный. Вот Каурый наловчился зайти сзади, и, не успела кобылица вскинуть крупом, он взвился на дыбы, хрипло заржав, и так остервенело ринулся вперед, что едва не сломал бедняжке хребет; изогнув шею, дотянулся-таки до ее холки и так закусил, что ей было не пошевельнуться, а сам тыкался ломом то влево, то вправо, изводя и себя, и бедную кобылицу.

И Асана будто толкнул кто-то в спину, – и сам не знает, как это произошло, одно помнит – он подскочил, рискуя быть убитым одним ударом копыта, оттянул в сторону кобылий хвост, ухватился за раскаленный конский лом и направил туда, куда ему и надлежит вламываться. То ли глухой вздох, то ли стон вырвался из зева кобылицы, и она припала на передние ноги.

Асан почувствовал, что и сам весь дрожит. Возбуждение Каурого передалось ему. В каждой его жилке пульсировала кровь, но будто ее гнали мощные насосы, а в паху была такая ломота, что хоть кричи. Шаровары оттопырились, того глади порвутся. И в эту самую неподходящую минуту он

услышал донесшийся сзади голос Ислама-ота, который, оказывается, подошел и давно стоял неподалеку: «Баракалла!.. Учись, Сынок, учись, в будущем это тебе пригодится, если хочешь; чтобы побольше жеребят рождалось в табуне. Хороший табунщик из тебя получится. А мне, старику, останется глядеть на молодых да завидовать...»

Асан от стыда чуть сквозь землю не провалится, сорвался с места и припустил куда глаза глядят, с разбегу бросился в речку, в одежде, как был, и, наверное, одни черти знают, что б с ним стало, не остуди вода его пыл. Из висевшего на бельбаге кожаного чехла выскользнул нож, и он потом его долго искал в воде, стуча зубами от холода.

Пришел старик и еле уговорил его вылезти из речки. Похлопывая по плечу, сказал: «Привыкнешь. Со мной было то же самое, когда я это в первый раз увидел... Идем, сынок, пора табун перегонять на другой джайляу». И Асан, в прилипшей к телу одежде, стыдясь взглянуть в его сторону и низко опустив голову, тихонько поплелся с ним рядом. Старик, добродушно посмеиваясь, взъерошил на его голове волосы: «Ну, что ты?.. В столь необычном состоянии пребывают все животные, когда они охвачены страстью деторождения... А потом, когда кормят детенышей, ради них они готовы вступить в смертельную хватку и с волками, и со снежным барсом, как бы ни были слабы сами, только б защитить свое потомство, выкормить, вырастить… Словом, у них все, как у людей… Даже пернатым и тем не чуждо это чувство. Ты видел когда-нибудь любовный танец журавлей?..»

На сырой заболоченной земле возле ключа Асан не однажды видел отпечатки птичьих лапок. Это и были, по-видимому, следы от танцев. Там не раз садились журавли. Но Асану сроду не приходило в голову устроить засаду и подсмотреть их любовный танец. Теперь он непременно это сделает…

Подобно весеннему потоку промчались его детские и юношеские годы…

Асан умолк, пересыпая из ладони в ладонь песок, задумчиво глядя на золотистую струйку, текущую как в песочных часах. Долетавший со стороны раскинувшегося на обрыве сквера пряный аромат махровых гвоздик и георгин воскресил в памяти Клары тоже давно ею забытую картину. Когда была девчонкой, она любила оставаться по нескольку дней на пасеке у деда. И более всего запомнились ей не целые блюдца янтарного меда, которые она могла съесть за один присест до донышка, а потом и вылизать, а то, как она однажды, бегая по белому от ромашек лугу, вдруг увидела своими глазами, как пчела собирает нектар. Она замерла на бегу, опустилась на колени и стала наблюдать. Пчела ползала по ромашке, ощупывая ее лапками, и бархатистую желтую серединку, и лепестки будто гладила, ласкала каждый в отдельности, а потом, видно, отыскала самое сладкое местечко; и эта короткая минута, пока пчелка трудилась, втискивая изгибающийся хоботок в невидимое устье, и была минутой чудесного открытия. Клара сорвала травинку и попыталась ею согнать

пчелку, но это ей не удалось – она так присосалась к цветку, что ее было не сдвинуть с места, будто охваченную любовной горячкой…

Ей вспомнилось, как она любила, чтобы бабушка ей стелила постель на сеновале. Когда в небе высыпали звезды и все вокруг затихало, а в открытую настежь дверь на нее смотрела круглая луна, она прислушивалась к доносящемуся с поля стрекоту кузнечиков, к тому, как возятся и сонно переговариваются в клети на насестах куры, как вздыхает и жует жвачку корова, пока не засыпала...

А утром чуть свет ее будил пронзительным криком петух. Со двора уже доносились глуховатые голоса деда и бабушки, разговаривающих тихо, чтобы ее не побеспокоить, но она тотчас вскакивала, не давая себе разлениться, стремглав спускалась с сеновала по лестнице, освещенная розовым светом раннего прохладного утра и полная до краев ощущением прелести земного существования.

И когда же она успела отвыкнуть от всего этого, позабыть, что за грохочущим железобетонным валом города еще есть и другой мир, где над белыми ромашками летают пчелы, где на заре звенят о подойник струйки парного молока, поют петухи и кудахчут куры, всех оповещая, что снесли яичко, или, как уверял дед, споря между собой, чье яичко лучше?..

Кто-то неподалеку громко врубил маг, рассеяв ее мысли. В джазовой музыке потонули людские голоса, шелест волн и крики чаек.

– И что за музыка? Бьет по барабанным перепонкам, – сказал Асан.

– Современная. А какую же вы любите?

– Я люблю слушать пенье птиц, блеянье только что родившихся ягнят, рычанье дерущихся волков. А еще люблю, как земля гудит, когда по ней несется табун…

Асан решил не рассказывать Кларе о том, как следующей весной, когда на южных склонах гор едва только растаял снег, все еще оставаясь в логах и глубоких оврагах, Каурный опять выгнал белую кобылицу из табуна на ту же самую живописную лужайку. В этот раз он легко справился без посторонней помощи. Но вот каково Асану было, вновь ставшему невольным свидетелем, как ему было справиться с собой? Он припустился во весь дух, как и в прошлый раз, к речке, но ее поверхность еще была подернута прозрачным ледком с кружевной каймой по краям. Слева возвышалась скала, вся в трещинах, как в морщинах, снизу до верху. Метнулся к ней, чуть не расшибся, с налету распластавшись по ней, раскинув руки, прижавшись коленками, лицом, всем пылающим телом к холодной, покрытой инеем поверхности… И опять, как в прошлый раз, донесся из-за спины голос Ислама-ота, сочувственно насмешливый: «Эге-е, сынок, этак ты в округе все скалы порушишь! Гляди, какую она дала трещину!.. – и кивнул на расселину, ломаной линией пересекшую скалу от основания до вершины. – Видать пора, сынок, тебя женить».

В долгий ящик откладывать не стали. Не минуло и месяца, сыграли свадьбу. Теперь Айдин стала не сестрой ему, а женой.

В первую брачную ночь он был так же нетерпелив, как Каурый, к тому же неопытен. Айдин, кусая себе губы, изворачивалась и плакала. Он же снова и снова грабастал ее в крепкие объятия, что у нее захватывало дух, и все же она ухитрялась, упираясь пятками в постель, вновь уползти, называя его братиком и умоляя пощадить. Так и проваландался Асан. Так и промучили друг дружку всю ночь. А утром на лице у Айдин не было ни кровинки, под глазами круги, краше в гроб кладут. И после этого она стала стелить ему отдельно, мол, будем спать врозь, как и прежде, как брат и сестра. Едва он ночью, потеряв терпение, приближался, она отпихивала его и руками и ногами, не подпускала к себе, ну, чисто как та белая кобылица.

Загрустил Асан после свадьбы, ходил понурый. И Ислам-ота, сердцем почуяв неладное, осторожно завел с ним разговор, выуживая сокровенное, что скрывают обычно даже от близких. И Асан, потупив глаза, посетовал, что Айдин с ним холодна; мало того, чурается, словно боится его; казалась приветливее, когда была ему сестрой.

Старик ухмыльнулся, пригладил усы, бороду, пристально посмотрел ему в глаза: «А ты с Каурого-то пример не бери. Ласков будь. Помнишь, в урочище мы видели, как матерый волчище, вожак стаи, ластился к молодой волчице? Всю морду ей вылизал, всю шерсть зубами расчесал, прежде чем она позволила к себе подступиться. У меня рука тогда не поднялась выстрелить... А голуби как воркуют, вьются вокруг подруги?.. А лебеди как переплетают шеи, опахивая друг дружку крыльями?.. Поверь мне, мудрому человеку, от ласк и женщина тает, что тебе воск. Хитростью да лаской крепости берут. Ласка в ней боязнь-то и растопит. А когда привыкнет к тебе, то сама приставать станет, вот увидишь», – тихо засмеялся старик и подзадоривающе похлопал его по плечу.

Старик оказался прав. Предсказание его вскоре сбылось. Однако Айдин сама никогда не приставала – столько лет живут, двоих детей на свет произвели, а она все такая же застенчивая, как в первый день, даже платья с себя не снимет, пока он не погасит свет. Зато когда он приглашал ее в свои объятья, то дважды звать не приходилось. И все же, когда он, угомонясь, наконец разжимал руки, она в изнеможении откидывалась на свою подушку и, то ли в шутку, то ли всерьез, укоряла: «Ну и жеребец, тебе не баба нужна...»

Заныло у Асана сердце от тоски, когда вспомнил про жену и детей. Когда он их сюда перевезет? Одному Аллаху теперь это известно. Пусть небо это крымское, но и под ним без крыши с семьей не поживешь.

С моря налетел упругий теплый ветерок, покрылись белыми кудрями волны.

– Не хотите искупаться? – спросил Асан.

Клара взглянула на него сквозь очки и улыбнулась. Что же может быть приятнее того, чем в жаркий день окунуться в море? Не ради ли этого люди проделывают тысячи километров? Он протянул ей руку, как давней знакомой, она доверчиво подавала свою и вскочила.

Он разбежался и, взмыв в воздух, как стрела, скрылся в зеленовато-синей волне, почти не взметнув брызг.

А Клара всегда входила в море потихоньку, немного поеживаясь. Прохладная вода сначала окатила ей ступни, затем колени, бедра. По телу пробежала легкая дрожь. Она быстро окунулась, и вода будто бы сразу согрелась, а ветерок, казавшийся минуту назад теплым, стал студеным. Она от неожиданности испугалась, когда Асан, фыркнув, вынырнул возле нее. Подбросив пригоршню сверкающих шариков, он разбил их на лету кулаком.

– Хотите, я покажу вам нечто такое, чего никто не видел?

– Никто? Что же это такое может быть? – спросила она.

– Тайна, которую хранит вон та гора, – показал он рукой на вдающийся в море каменный мыс, похожий на вытянутую драконью лапу.

– И она своей тайной поделилась с вами?

– Ага. Поплыли?

Клара не считала себя отменной пловчихой, тем не менее кивнула.

– Я заинтригована. Мне, как всякой женщине, трудно перебороть любопытство.

– Тогда – за мной!

Он плыл некоторое время на боку, на спине, не сводя с нее глаз, будто желая убедиться, что она хорошо держится на воде. «Не даст же он мне утонуть, если я устану», – подумала она, когда страх стал закрадываться ей в душу.

Вскоре буйки остались позади. Здесь, наверное, было очень глубоко. Клара старалась об этом не думать. Он плыл медленно, хотя мог и быстрее. Волны бежали навстречу не очень большие, но ветер срывал с них пену и швырял в лицо, мешая ровно дышать. У нее стали тяжелеть руки, ноги, словно наливались свинцом. Она уже собиралась звать Асана на помощь, когда он подплыл и сказал: «Держитесь за меня». Она положила руку ему на плечо и стала помогать, слегка работая ногами, а его мощные руки загребали воду, как весла; их тела то и дело соприкасались; она ощущала рукой, как эластично работают под гладкой кожей его мышцы. Они двигались очень медленно. Чем ближе оставалось до мыса, тем он становился выше, будто рос из-под воды. Он оказался вовсе не пологим, каким выглядел издалека, а круто вздыбленным каменным утесом, отшлифованным ветрами и морем, и нечего было даже думать на него взобраться. Перед ним торчали из воды несколько каменных глыб, острых, как пики; одна, к счастью, оказалась плоской, на нее можно было вскарабкаться и, удобно расположившись, полежать. Асан подсадил ее, и она взобралась наверх. Они посидели, переводя дух. Сил не оставалось даже разговаривать. А когда отдышалась, она насмешливо спросила:

– Это то, что вы хотели мне показать?

– Нет, – отрицательно покачал он головой. – Но мы у самой цели. Посмотрите вокруг внимательно, не заметите ли чего-нибудь необычного?

Волны как волны. Глухо клепались о камни. Утес похож на задранный нос севшего на рифы корабля; на нем зеленая шапка из причудливо изогнутых сосен, и над ними в голубой вышине плывут пушинки белых облаков. Ничего необычного Клара не заметила и пожала плечами.

– Туда посмотрите, – показал он глазами на воду.

Но сколько она ни вглядывалась вглубь, ничего, кроме водорослей и плавно проплывавших над ними двух-трех медуз, не заметила.

– Дайте руку, – сказал он и спустился в воду. – Мы должны нырнуть на метр или полтора вглубь. Под скалу...

– Это еще зачем? – в душу холодком вползла тревога.

– Там то, что я обещал вам показать.

– Да ну?.. Уж не сын ли вы морского царя? Знаете ли, меня вполне устраивает земная жизнь, и я не собираюсь менять ее на подводное царство.

Он улыбнулся. Но выражение его глаз оставалось грустным и спокойным.

– Доверьтесь мне, коль вы уж здесь.

И мысленно произнеся: «Эх, была, не была!..» – она подала ему руки и соскользнула с камня. Он крепко стиснул ее ладони, подзадоривающе кивнул и скомандовал:

– Ну, вдохнули!..

Повинуясь ему, она набрала полные легкие воздуху и погрузилась в воду, ноги соскользнули с уступа, и ей показалось, что под ними разверзлась бездна; дневной свет взмыл куда-то вверх, они погрузились в зеленоватую мглу; в ногах путались и скользили по телу, пугая Клару, водоросли. Он плавно потянул в сторону, вода резко похолодела, сделалось темно. Клара это скорее ощутила кожей, нежели видела, ибо не решалась открыть глаз. В какой-то миг она хотела вырвать руку и ринуться обратно, барахтаясь, работая изо всех сип руками и ногами, но вовремя смекнула, что вряд ли у нее на это хватит запаса воздуха в легких. И отдалась чужой воле, решив: «А, будь что будет!..»

Они вынырнули раньше, чем она ожидала – Клара была готова к худшему. Она нащупала ногами осклизлые ступени, покрытые водорослями и тиной. Держась за каменный уступ, огляделась. Неужто они и впрямь в царстве Посейдона? Ей показалось, то они очутились в холодном, мрачном склепе. Едва разбавленный зеленоватым светом мрак. Ни намека на залитый ярким солнцем мир, оставленный ими по ту сторону толстых базальтовых стен. Она прислушалась. Ни единый звук не проникает сюда, ни плеск наскакивающих на камни волн, ни шум ветра, ни крики чаек. Но вот ее чуткий слух уловил чуть слышный частый глуховатый стук. Да это же сердце так взволнованно бьется! Только чье – ее или Асана?

– Здесь ступени, – сказал Асан, подтянулся и первым выбрался из воды, потом подал ей руку.

Стоять у Клары не было сил, и она опустилась на песок, сухой и мягкий как пух. Однако ее тонкое, матовой белизны лицо светилось любопытством. С него исчез испуг, и теперь оно выражало смесь удивления с легким разочарованием.

Из овального отверстия в каменном полу, через которое они проникли сюда, сочился зеленоватый свет. Глаза постепенно привыкали к полумраку.

Слегка откинувшись назад и опершись на руки, она смотрела на высокие своды, обвалившиеся во многих местах, с переплетением и узлами выбравшихся сюда, в пустоту, корней. Кое-где пучками, по несколько штук, свисают сталактиты, сверкая и переливаясь, словно люстры. Стены тоже неровны, в буграх и впадинах, свет и провалах тускнеет, образует множество разных углов, скользит, извиваясь светлыми змейками.

В глубине, во мраке, тихо журчала вода.

– Хотите пить? – спросил Асан.

Он взял ее за руку и повлек за собой. Клара увидела невысоко в стене небольшую нишу с полукруглым верхом. В ней прямо из камня, сверху и с боков, сочилась вода, заполняла выдолбленную внизу чашу и, переливаясь через край, тоненькой струйкой стекала по стене вниз, исчезала в песке, где, должно быть в толще земли и камня, отыскала себе дорогу к морю.

Асан зачерпнул воду в пригоршни и напился. Клара последовала его примеру. Черпая ладонями, она с удовольствием утолила жажду. Вода была очень вкусная. Пьешь и еще хочется. И холодная, с первого глотка уже ломит зубы.

Над нишей Клара заметила крупные рельефные буквы и погладила их рукой.

– Здесь что-то написано.

– «Пока я не высох, будешь жив и ты». Это не обычная вода. Животворная. Получше всяких минеральных.

– «Пока я не высох, будешь жить и ты», – тихо повторила Клара.

Асан медленно прошелся вдоль стен, ощупывая их ладонями и вглядываясь, что-то на них отыскивая; пробрался выше, ступая осторожно по острым камням, протискиваясь между глыбами завала.

– Что вы там ищете? – спросила Клара.

– Тут на стенах имена моих односельчан. Есть и имя моего отца. Я его еще в прошлый раз нашел, – Клара хотела спросить, как они оказались здесь, но он сам сказал: – Когда они были мальчишками, любили сюда плавать.

Он вернулся и сел напротив нее на песок.

– А где же это мы находимся? – спросила Клара, окидывая взглядом стены, своды.

– Это подземный ход, потайной выход из крепости. Там, – показал он рукой в темноту, куда уводила ступени, – на верху горы и сейчас еще есть остатки древней крепости. Кое-где сохранился фундамент внешних стен. Судя по ним, крепость была довольно большой и грозной.

– Кто же ее, интересно, строил?

– Как кто? Мои предки тут жили испокон веков. Они и строили. Кто же еще? Только их в ту пору называли таврами, жителями гор.

– Как интересно, – сказала Клара, вглядываясь в глубину грота, куда убегали, забирая вверх, прекрасно сохранившиеся ступени, засыпанные песком и осколками упавших со свода глыб.

А далее проход был, видно, завален еще в древности. Скорее всего, рухнули своды. Пять-шесть огромных глыб скатились по ступеням вниз, едва не завалив выход, и сгрудились, навалясь одна на другую. В стороне, ближе к ступеням, лежали две глыбы правильной формы, как каменные столы, расставленные тут сказочными великанами для пиршеств.

– А вы смелая женщина, – сказал Асан и посмотрел ей в глаза.

– Скорее, легкомысленная. В последнюю минуту под водой я порядком перетрусила.

– Но все это стоило риска, верно?

– Конечно! Вот бы разобрать завал и посмотреть, что там. Там могут быть спрятаны сокровища.

– Могут, – согласился он и, вскочив, юркнул за камни, через минуту вернулся и протянул ей небольшой узкогорлый медный кувшин с длинным носиком и большой тонкой ручкой. – Сейчас такой разве что в музее увидишь. Там есть чугунный котел, керамические чаши. Для меня и это сокровище.

Местами позеленевший кувшин был весь испещрен замысловатыми узорами. То ли надписями, которых Клара прочесть не могла.

– Как он здесь оказался?

– В гражданскую войну тут людей прятали... Когда деникинцы расстреливали и вешали красных, тут прятали раненых красных матросов. А когда красные объявили «красный террор», тут прятали молодых парней из белой гвардии.

Возвращая кувшин, Клара медленно скользнула взглядом по Асану снизу вверх. Его можно было б принять за античную статую, выставленную в пушкинском музее, если 6 не темные плавки, насчет которых Нинка, хохмачка, так странно пошутила.

А знаете, что тут написано? «Проклятье тому, кто не даст глотка воды жаждущему».

Он отнес кувшин за камни, где взял. Теперь сел рядом. Их плечи соприкасались. Но она не отодвинулась.

– И вы уверены, что об этом месте никто не знает?

– Никто. Я изредка приплывал сюда, но так, чтобы никто не видел. Я вам показал то, что скрывал от всех. Сам не знаю, зачем я это сделал, но вот, одним словом, сделал.

«Трудно ли догадаться, зачем», – мелькнула у нее мысль, и она усмехнулась. Она почти не сомневалась, что он в конце концов начнет к ней приставать. Должна же, мол, отблагодарить. Да у вас, мужиков, одно на уме...

Он долго молчал.

«Должно быть, обдумывает, как подступиться, что этакое сказать, чтобы я поняла его намеки». И она стала соображать, как лучше ответить ему, чтобы не обидеть, но сразу охладить его пыл. Но произнесла совсем другое:

– Как же вы нашли этот грот?

– И искать было не надо. Мне про него рассказывал отец, – его плечо вновь коснулось ее. Она слегка отодвинулась, но он этого, кажется, даже не

заметил. – В старые времена в нашей деревне все знали про этот грот. Дед говорил внуку, отец сыну, так и передавалось из поколения в поколение еще от тех, кто строил эту крепость... А в ссылке старики умерли и унесли тайну. И не только эту… К примеру, в Крыму в отсутствие татар высохли родники, обмелели речки. И никто сейчас не знает, куда подевалась вода, как ее вернуть...

Ей сделалось зябко, и в конце концов показалось странным, что он даже не делает попытки обнять ее за плечи. «Что ж, не сейчас, так несколькими минутами позже. Мужики не шибко изобретательны, методы у всех одни и те же. Сначала за плечи, потом за коленки...»

– А вы не боитесь, что я кому-нибудь расскажу про это место?

– Нет.

– Почему?

– Даже если покажете, проникнуть сюда никто не сможет.

– Вы думаете?

– Никому не ведом заговор, который нужно произнести про себя перед тем, как нырнуть. Это – ключ. Без него любой захлебнется и утонет.

– Тут холодно, – сказала она, чувствуя, как ее все больше пробирает озноб. – Не поплыть ли нам обратно?

Он взглянул с удивлением и отвернулся. В зыбком матовом свете темнел его профиль с прямым римским носом и щетиной на скулах. Он все еще не чувствовал ног и рук, и не рискнул бы плыть обратно, хорошенько не отдохнув.

– Побудем еще немного, – сказал он. – Я люблю тут бывать... Порой мне кажется, что тут находят прибежище души моих односельчан, умерших вдалеке... Каждый из нас все годы душой стремился сюда. Когда человек умирал, тело его оставалось в чужой земле, а душа устремлялась сюда...

– А вы, слава Богу, вернулись жив, здоров. Вы, наверное, счастливый?

– Всю жизнь только и слышишь: «Хочу быть счастливым». А никто толком не знает, что это такое, счастье.

– А вы знаете?

– Всяк понимает его по-своему. А по мне, счастье, это, когда получаешь от жизни то, чего ты хочешь. Но если получаешь одно, тебе тотчас не хватает чего-то другого...

– Значит, быть счастливым невозможно?

– Почему же? Наоборот, можно быть все время счастливым, если не думать, что оно само по себе привалит... Вот, скажем, я приехал сюда – и был счастлив, выложил фундамент дома – и был счастлив, возвел из ракушечника стены – и был счастлив, да только... – помолчав целую минуту, он, вздохнув, добавил: – Я хочу быть счастливым, а мне не дают...

Клара, поеживаясь, обхватила себя за плечи, а он этого все никак не замечал. От него веяло теплом, ей хотелось снова придвинуться к нему поближе, но она оставалась на месте, незаметно поглядывая на него и надеясь, что он все же заметит, как она продрогла. В ней быстро иссякала вера в возможность отпихнуть его руку, если он вдруг попытается обнять ее за плечи,

прижать к себе. Мир странным образом изменился, будто пространство перестало быть огромным, а уютно сомкнулось вокруг них, и во всей вселенной теперь существовали только он и она. Если начнется всемирный потоп, они этого не заметят, если на земле заполыхает всепожирающий пожар, они об этом даже не будут знать. Рядом был мужчина. Его тело пахло густым мужским потом и морской водой. И какая-то сила толкала ее к нему. Она тихонечко придвинулась. И шепотом сказала не то, что думала:

– Холодно тут. Хочется на солнышко.

Он встал.

– Что ж, идемте.

Она вздрогнула. Не от громко прозвучавшего голоса, а скорее от произнесенных им слов. И подняла на него глаза. Он был спокоен, как Аполлон. А ей, оказывается, сейчас более всего хотелось еще хоть немного побыть здесь, сидеть тихо, неподвижно, сжавшись в комок, пока он не догадается протянуть руку и обнять ее за плечи; да она этого ждала с той минуты, как они оказались здесь, только не хотела себе в этом признаваться.

– Ну, идемте же, – повторил он и протянул руку. – А то мы можем солнце не застать...

Она медлила, глядя на него снизу вверх и улыбаясь. В ее зеленых глазах удивление и недоумение сменяли друг друга, пока он стоял с протянутой к ней рукой, обтекаемый матовым светом, исходившим из полыньи. Она тихо засмеялась и протянула обе руки.

Они подошли к овальному зеркалу воды, зеленоватая толща которой отделяла их от повседневного суетного мира, в который они обязаны были вернуться.

Уперев руку о край уступа, он спрыгнул в воду. По сводам и стенам заскользили зайчики. Он протянул руки и, взяв ее за талию, помог спуститься. Сцепив крепко руки, они набрали в легкие побольше воздуху и нырнули. Теперь она послушно следовала туда, куда он ее влек.

Солнце уже и впрямь полоскало свой краешек в море. День угасал, на прибрежный поселок наползала тень, белые дома среди потемневшей зелени казались серыми. По позолоченному вечерним солнцем морю скользил надутый ветром парус, похожий на язычок пламени. Он скользнул в тень и погас. Кларе почудилось, что густо потемневшее у берега море таит некую опасность, сердце замерло от страха, и она обернулась, ища глазами Асана. «Не бойтесь, я рядом», – услышала она его голос. И у нее сразу прибавилось сил. Она плыла, ощущая на губах солоноватый привкус воды, не сводя взгляда с почти опустевшего пляжа...

Последние несколько метров она уже не могла плыть. Асан подхватил ее на руки и вынес на берег. У нее от слабости подгибались колени и не было сил стоять. Она опустилась на песок, пережидая головокружение. Подлетела Нинка, злющая, настоящая фурия, напустилась, подбоченясь, на Клару: ей пришлось, дескать, караулить вещи, тогда как они где-то там... И, наклонясь к

ее уху, она произнесла такое, что та вся залилась краской и глянула на Асана: не услышал ли он?

К счастью, он не услышал. Он смотрел совсем в другую сторону и растирал тело махровым полотенцем.

Клара совсем забыла, что у Нинки назначено свидание, и она теперь опаздывала. Она быстро оделась и, не переставая пенять подруге за легкомыслие и распущенность, еще и пригрозив, что расскажет обо всем Михаилу, покинула пляж. А Клара и вправду себя вдруг почувствовала виноватой и перед ней, и перед мужем, и перед всем светом, и ни словом ей не ответила.

Немного отдохнув, съев по яблоку, Клара и Асан ушли с пляжа вместе. Им было по пути. Он хорошо знал ту улицу, где Клара с подругой сняли комнату. По ней он и ходил всегда, когда направлялся к берегу. Да и к центру поселка, где базар, магазины, другой дорогой не выйдешь...

Тропинка круто вела с пляжа вверх, на обрыв. Он взял ее за руку и тащил, пока они не вскарабкались на верхотуру и не оказались в сквере. Разговаривая, как старые знакомые, они направились по длинной аллее, обсаженной с обеих сторон высокими кипарисами, подле которых белели, рдели, золотились осенние цветы. Им предстояло из конца в конец пересечь по узким кривым улочкам весь поселок.

Солнце постепенно растворилось в море и на небе высыпали звезды.

Спешить им было некуда, они шагали медленно, и все-таки слишком быстро оказались на улице, где жила Клара. Некоторое время они шли вдоль низкого штакетника, за которым густо разрослась ежевика. Вот и их калитка. В хозяйкином окошке горит свет.

Клара подала на прощанье руку, полагая, что он скажет: «Завтра на том же месте?..» Или нечто подобное. Он энергично встряхнул ей руку, но, не сказав ни слова, отвернулся и зашагал, даже не заметив, как на ее лице отразилась досада. Пройдя вдоль улицы до ее конца, он ступит на тропу и станет по ней подниматься в гору, по ту сторону которой он строит себе дом. Она стояла и смотрела, как он, большой, широкоплечий, в своих латаных, пообтрепавшихся снизу джинсах, вылинявшей на солнце клетчатой рубахе и стоптанных башмаках неспешно удаляется по узкому, мощенному серыми плитами тротуару, немного подавшись вперед, поскольку улица в этом месте начинает постепенно забирать вверх, перед тем как упереться в подножье горы.

Ужинать Клара не стала и сразу легла, однако спать ей не хотелось. При неярком свете бра она провела время за чтением, пока не пришла Нинка.

В комнате было душно, несмотря на открытое окно. Не разговаривая и стараясь всем своим видом показать, что она все еще в обиде, Нинка стянула с себя платье, лифчик и, оставшись в одних трусиках, подсела к столу пить чай, наливая себе из термоса, нисколько не озабоченная тем, что ее могут увидеть прохожие. Однако ее возбуждение после танцев еще не прошло и ненамного ей

хватило выдержки: между глотками она принялась громко рассказывать, сколько кавалеров на танцверанде сегодня от нее просто балдели, и как ей приходилось ухищряться, чтобы отдать предпочтение одному и не обидеть остальных, и каким милашкой оказался ее новый знакомый, который проводил до калитки и хотел было ее пощупать, да полез целоваться, но она треснула его по рукам и захлопнула перед его носом калитку. И вдруг, спохватясь, она со стуком поставила стакан и уставилась на Клару:

– А что это я да я тебе все рассказываю? А ну-ка, выкладывай, где ты сегодня с этим типом пропадала?

– К мысу плавали.

– А что там делали? – прищурилась она.

– Не то, что ты думаешь. Загорали.

– Загорать и на пляже можно. Не ври. Не для того вы туда плавали.

– Ну, что ты мелешь, Нинка, – с укором произнесла Клара и выключила бра.

Нинка решительно направилась к двери и включила верхний яркий свет.

– Только чистосердечным признанием ты можешь заслужить мое снисхождение. Иначе все расскажу твоему Михаилу! Все!

– Да не в чем мне признаваться! Ну, какая же ты дура!..

И Нинка принялась внушать подруге, чтобы она поостереглась всяких знакомств, тем более с такими. «Вид у него, как у первобытного дикаря. Прямо Тарзан какой-то!..»

«Чья бы корова мычала, твоя бы молчала», – подумала Клара, подтягивая простыню на глаза, отвернулась к стене и зажмурилась. А Нинка все никак не могла успокоиться и еще долго тараторила, думая, что тут внимают каждому ее слову. Как бы не так...

Спала, однако, Клара плохо, то и дело просыпалась, опять взволнованная пережитым за день, в голову лезли мысли о доме, об Альке, и она долго не могла уснуть.

Настоящий сон смежил ей веки только под утро. Но разве в курортном поселке дадут тебе выспаться всласть? Едва рассветет, с улицы уже доносятся громкие голоса прохожих, смех, звуки включенных на всю катушку магнитофонов. Многие спешат спозаранок на пляж, чтобы занять себе место получше, на базар, кто распродавать, а кто купить фруктов и овощей посвежее.

Нинка тоже открыла глаза и, громко зевая, похлопала себя по пухлым губам. Нечего было и думать, чтобы еще хоть чуточку поспать. Тем более солнце, уже пронизав кроны деревьев и кусты пучками лучей, растворило в саду за окном сумрак и, проникнув в комнату, осыпало золотыми монетами кровать, на которой лежала Клара.

А что время терять? Второпях перехватив того-сего на завтрак, они тоже с Нинкой отправились на пляж. Ведь ради моря главным образом они и приехали! А танцы-шманцы, провожатые – это приложение, это, как говорится, приправа к основному блюду. Рассуждая об этом, Нинка не переставая болтала по пути, вдруг резко остановилась и с присущей ей грубоватостью спросила:

«Что ты квелая какая-то? Не выспалась, что ли? Сейчас местечко отхватим и спи себе под усыпляющий шум прибоя! Говорят, сон на морском берегу омолаживает».

Клара не ответила. Она еще и сама толком не поняла, что с ней, чем этот день отличается от предыдущих. У нее было ощущение, будто она что-то забыла, что ей чего-то не хватает. А суть была в том, что Клара сегодня не встретит на пляже Асана. Договорись они вчера о встрече, ей и зелень сейчас не казалась бы пыльной и тусклой, а цветы на клумбах какими-то искусственными и вялыми, дорога неровной, каменистой, что ногу сломаешь, да и весь поселок сделался каким-то невзрачным, словно по умыслу злого колдуна потерявшим свою привлекательность.

Утро разгоралось чудесное, и на пляже было полно загорающих. Прежде чем Клара сообразила, чего ей тут не хватает, ее глаза непроизвольно стали кого-то искать среди распластанных на песке, снующих туда-сюда, стоящих, как статуи, голых тел. Они с Нинкой неторопливо разделись, повесили платья на гвоздь, вбитый в опорный столб навеса, и растянулись рядышком на полотенцах. Клара надела темные очки и попыталась читать, однако ничегошеньки не застревало в голове, и она с досадой захлопнула книгу. Что это с ней? Нарушился некий порядок, на который она с самого начала была настроена. Порядок этот был проще простого: завтрак и пляж, обед и пляж, ужин и сон; ну, иногда кино, кафе; установился этот порядок всего несколько дней назад, но она к нему привыкла и не собиралась менять. Нет, было бы примитивно думать, что она испытывает некий дискомфорт оттого, что изменилось что-то в ее режиме. Что-то произошло с ней самой, шел какой-то процесс в самом ее организме.

Поплавать они ходили с Нинкой по очереди. К воде ли шла Клара, возвращалась ли обратно, глаза помимо ее воли искали среди загорающих знакомую фигуру.

К полудню к ее переживаниям стала примешиваться смутная тревога: неужели она никогда больше его не увидит?..

После тщетных попыток развеселить подругу шутками-прибаутками, Нинка взяла ее книгу и сама углубилась в чтение. А Клара обернула бедра в застегивающуюся на крючок ситцевую юбку и решила пройтись по пляжу из конца в конец. Она шла вдоль самой кромки воды, шлепая босыми ногами по выскакивающим из моря вспененным языкам, каждую секунду надеясь, что вот-вот ее окликнут и она услышит знакомый, полный удивительной теплоты голос; или, может, сама увидит бронзовую фигуру выходящего из моря Асана, с длинных вьющихся волос которого стекает на плечи вода… Всего раз человека и видела, а ей казалось, что знает его всю жизнь.

Вернувшись обратно, сдернула с гвоздя блузку и буркнула Нинке: «Айда обедать!»

Пообедали в столовой. После чего Клара сослалась на головную боль и отправилась домой. Она так остро вдруг ощутила свое полное одиночество, что слезы навернулись на глаза. Она шла медленно, опустив голову. И Нинка,

решившая было отправиться на пляж одна, поняла, что с подругой в самом деле что-то не так – не заболела ли? – догнала ее и взяла под руку.

Утро выдалось пасмурным. Небо обложили тучи, накрапывал дождь. Кроны деревьев раскачивал ветер. Стекла на окнах облепили мокрые листья. Вставать было неохота, они валялись, пока не устали бока.

– Сегодня займемся стиркой, – объявила, первой поднимаясь, Нинка. – И, если у нас есть хоть капелька совести, Алевтине Степановне надо помочь.

Надо так надо. К полудню они почти все закончили. Перестирали не только свои, но и хозяйкины вещи, развесили под навесом. Осталась всякая мелочь, простыни да пара наволочек. Клара все делала молча, у нее не было охоты не только разговаривать, но и слушать Нинкину болтовню, которая рта не закрывала, рассказывая о том, сколько раз тут была, что Алевтина Степановна просила ее в свои невестки, обещая познакомить с сыном, да тот никак не едет; где еще отдыхала и где ей более всего понравилось. А Клара только делала вид, что слушает, мысли ее были совсем о другом. «Вдруг именно сегодня он придет на пляж? Будет искать меня...»

– Нин, сбегаю-ка я на базар, куплю фруктов, – неожиданно сказала Клара, бросив обратно в пену простыню. – Достирай остальное сама.

– Подожди хоть, пока перестанет дождь! – округлила глаза Нинка.

– Не сахарная, не растаю.

Клара вытерла руки, переоделась, схватила сумку и выбежала со двора, даже позабыв взять зонтик.

Пересекая сквер по длинной безлюдной аллее, Клара старалась не замечать, какими сиротливыми кажутся исхлестанные ветром деревья, в воздухе кружатся листья, устилают посыпанные красным песком дорожки, кипарисы потемнели, будто облачены в траур. Показавшееся за черными стволами деревьев море было свинцово-серым и холодным, а бурая полоса пляжа пустой и неприютной. Там не было ни души, кроме сидящих, нахохлясь, чаек. Спускаться вниз по осклизлой тропинке Клара не рискнула, а и не было смысла. Постояв у края обрыва на мокром ветру, Клара повернула обратно. У нее отпала охота даже идти на базар. Домой она вернулась промокшая и продрогшая. Нинке соврала, что на базаре сегодня нет ничего стоящего внимания.

Зато все последующие дни выдались чудесными, солнечными и теплыми. Тело Клары покрылось красивым ровным загаром; она была прекрасно сложена и нисколько не сомневалась, что фигура ее все еще способна вызывать у мужчин восхищение.

Все эти дни на пляже, как говорится, ногу негде было поставить. Жаль, не было Асана. Но она знала, что он неподалеку, где-то вон там; вон за той горой, смахивающей на доисторического ящера, он строит дом.

На следующее утро, когда Нинка уже уложила в сумку вещи перед тем, как идти на пляж, Клара вдруг сказала:

– Мы только и знаем – на пляж да на пляж. Даже по поселку еще толком не прогулялись, окрестностей не видели... Сможем ли мы потом сказать, что видели Крым?!.

– Успеется, – буркнула Нинка, запихивая в сумку еще один купальник.

– Когда?

– Вот погода испортится, тогда и посвятим время осмотру достопримечательностей. А пока солнышко радует, надо пользоваться...

– Ты как знаешь, а я решила сегодня побродить.

Нинка уставилась на нее, вытаращив серые глаза.

– Час от часу не легче! – и принялась в сердцах выбрасывать из сумки ее вещи: – Валяй, валяй!.. И куда тебя черти понесут?

– Там видно будет – пожала плечами Клара. – А то спросят, каков Крым, что я смогу рассказать?..

– Иди, иди, да оглядываться, не забывай. Все только о том и талдычат, что вернулось немало татар. Они, говорят, людей едят...

Клара лишь отмахнулась и дальше слушать не стала, Облачилась в вельветовые брюки, надела блузку, видавшие виды кеды, в которых ходила в походы, когда была еще студенткой, и вышла из дому; только теперь она не влево направилась, а направо, туда, где улица упиралась в гору и, нырнув в густой орешник, растекалась там множеством тропинок, разбегающихся в разные стороны. Самая широкая вела в гору. Она обегала каменные глыбы, забирая то влево, то вправо, то скрываясь в тенистых зарослях фундука и кизила, то вновь выползая на солнечный травянистый откос, а иногда скакала по каменистым уступам, и Кларе приходилось взбираться по ним, как по ступеням. Семь потов сошло с нее, пока она, непривычная ходить по горам, достигла, наконец, верхнего хребта. Тропа, протиснувшись между двумя высоченными, до неба, скалами, где могли разминуться разве что два человека, заскользила теперь вниз, извиваясь, прячась на дне небольших логов, карабкаясь на увалы с редкой порослью карликовых сосенок и сумаха.

Навстречу Кларе приближалось несколько людей, парней и девушек, в шортах, белых панамах, соломенных шляпах, с рюкзаками за спиной. Скорее всего, туристы.

– Не знаете, где тут татары строят дома? – спросила Клара у шедшего первым, с рыжими волосами на загорелых руках и ногах.

Тот глянул на нее с удивлением и пробурчал, обращаясь скорее к своим живописным спутникам, чем к Кларе:

– В Каракоруме[1]. Отсюда не видать, – тем самым вызвав хихиханье у девок.

Он пер, не останавливаясь, прямо на Клару, и ей пришлось посторониться.

По краям тропы желтела густая сухая трава. Что-то в ней зашуршало, шевеля стеблями. Клара испуганно отпрянула назад. Поперек тропинки промелькнула большая серая змея. Сердце чуть не выскочило из груди,

[1] Каракорум – столица древней империи Чингисхана.

пришлось прижать к нему руку, успокаивая. Все изменилось, мир теперь казался враждебным и опасным. Ей стоило немалых усилий, чтобы заставить себя идти дальше, переступив через змеиный след. Теперь она внимательно поглядывала вокруг и вздрагивала всякий раз, даже когда кузнечик перескакивал со стебелька на стебелек.

Какая-то большая серая птица снялась с ближней скалы и, распластав громадные крылья, только чуть-чуть ими пошевеливая, пронеслась так низко над ней, что она заметила загнутые стальные когти, поджатые к брюху, и испугалась, подумав, что она собирается вцепиться ей в волосы; но птица плавно взмыла вверх и полетела дальше, замахав крыльями, в сторону леса.

Клара увидела вдали серую ленту шоссе, край которого был отмечен вдоль обрыва белыми столбиками. Впрочем, она вряд ли заметила бы эту дорогу, если бы по ней не курсировали взад-вперед автомобили. Пониже шоссе раскинулись виноградники, словно утыканные спичками. Клара знала, что это торчат над кустами бетонные столбы, к которым крепят проволоку, чтобы по ней вились лозы. Чуть правее, на склоне пологой горы копошились какие-то люди, и желтое облако пыли зависло над их головами. Клара свернула с тропы и направилась прямиком к ним, рассчитывая по крайней мере узнать у них, где тут татары строят дома. Под ногами шуршала острая и сухая стерня. Не будь она в брюках, расцарапала бы о колючки ноги. Где-то высоко над головой висел невидимый жаворонок и разливал, не переставая, свою переливчатую песню. В сухой траве звенели цикады. Еще было раннее утро, и день обещал быть жарким. Не пожалеет ли она, что пренебрегла сегодня морем? Она уже различала в пыли отдельных людей, оголенных по пояс, с лоснящимися от пота спинами. Чумазые от пыли, они с кряканьем всаживали в каменистый грунт кирки, выковыривали ломами целые глыбы, разбивали кувалдами. Цокали кирки, ухали кувалды и ломы, скрежетали лопаты. Кларе вспомнился когда-то давным-давно, еще в детстве, увиденный фильм. Теперь она даже названия не помнила. Там показывали, как на каком-то острове трудились на каменоломне рабы. Они работали из последних сил, а надсмотрщики охаживали по их потным спинам длинными хлыстами… Тут, разумеется, не было ни надсмотрщиков, ни хлыстов, но люди работали торопливо и быстро, будто их кто торопил, только изредка перебрасывались короткими фразами. Клара приблизилась и постояла, прислушиваясь. Они переговаривались на непонятном Кларе языке, кто-нибудь раскрывал рот лишь для того, чтобы посоветовать напарнику, как сделать что-то половчее и побыстрее. Наверное, это и есть татары, которые строят себе дома. Они заметили Клару и, не убавляя усердия, время от времени поглядывали в ее сторону.

Потом один из мужчин отложил в сторону кирку, утер тыльной стороной руки пот со лба и направился в ее сторону, стянув на ходу белый платок с головы, которым повязался, чтобы в волосы не набивалось пыли, и утирая им лицо. Его широкие мускулистые плечи были покрыты пылью, брови, ресницы

седые. Но когда он приблизился и улыбнулся, засверкав крупными зубами, она узнала Асана.

– Как вы тут оказались? – спросил он, его щетина еще больше загустела, а глаза говорили о том, что он рад ее видеть.

– Решила прогуляться по окрестностям, – сказала Клара и почему-то смутилась, и чтобы как-то скрыть это, стала в шутливой форме выговаривать ему за то, что за все минувшие дни он ни разу не появился на пляже, а значит, о ней ни разу не вспоминал.

Она не рассчитывала, что он воспримет это всерьез, так искренне начнет извиняться и оправдываться, ссылаясь на неотложные дела, которые не идут. Тогда Кларе самой пришлось сконфуженно уверять его, что она пошутила.

Он показал рукой на груду темно-серых и почти черных с синеватым отливом камней, работающих среди них мужчин и сказал:

– Здесь опять будет наша деревня.

Двое молодых парней принесли со стороны речки еще мокрый большой чугунный котел, поставили на черные от копоти камни, между которыми скопилась зола. Один стал разводить огонь под ним, другой уселся чистить картошку.

– А давайте я вам обед приготовлю, я неплохая стряпуха, – неожиданно для самой себя предложила Клара.

– О, вы бы нам здорово удружили, – сказал Асан. – Мы давно не ели пищи, приготовленной женской рукой. К тому же эти парни нужнее там, – кивнул он туда, где стояла пыль коромыслом. – Пусть лучше копают траншеи для фундамента.

Он подошел к возившимся у котла парнями и что-то сказал им по-татарски. Они заулыбались, поглядывая в сторону Клары. Асан сделал ей знак, чтобы она подошла, Парни поздоровались с ней. Она подала руку. Они представились, называя свои имена.

Возле печи стояла лохань с водой, в которой белело несколько очищенных картофелин. Асан придвинул ближе мешок с овощами и закатал его края; поточил перочинный нож о гальку и подал Кларе. Она присела, постелив газету, на камень и принялась за дело. В котле весело скворчало подсолнечное масло. Иногда ветер заворачивал дым в ее сторону, и у нее щипало глаза.

Асан откуда-то принес полтуши барашка и сам стал разделывать длинным чабанским ножом, резать мясо на куски.

– А зачем вы ломаете старый фундамент? – спросила Клара, заводя разговор.

– Чтобы сделать новый.

– А старый чем плох?

– Тем, что его можно ломать. А нам нужен такой, который никаким ломом нельзя было б сковырнуть, никакой техникой…

– А зачем? Все делают обычный.

– Нам обычный нельзя. Потому что мы сами… не такие, как все. -- Клара взглянула с недоумением, и он продолжил: – Кое-кому мы как кость в горле, им

невдомек, почему мы возвращаемся, а не хотим остаться на вечные времена там, куда нас выслали.

– Разве трудно это понять?

– Им легче сломать то, что мы строим, чем это понять. Мы однажды уже построили, как все – и теперь опять у нас крыши над головой. А старая пословица гласит: если слепец упал, споткнувшись о камень, то виноват камень; если слепец опять упал, споткнувшись об этот камень, то виноват слепец.

– Вы хотите построить так, что и пушками не возьмешь? – засмеялась Клара.

– Вот именно, – сказал Асан без тени улыбки.

– Тут же даже земли нет, один камень, разве у вас будет что-нибудь расти?

– Наши предки всегда строились на камнях, а плодотворную землю оставляли под виноградники, сады, табак. А те, кто приехали после нас, развалили наши деревни, а дома себе построили в тех местах, где лучше бы сеять хлеб, сажать деревья...

– А я люблю, когда во дворе тоже зелень, цветы.

– Приезжайте лет этак через пять-шесть, вы этих мест не узнаете. Эти нынче голые горы будут сплошь в садах и цветах.

– Признаться, я еще не видела садов и цветов, которые бы росли на камнях.

– Почему на камнях? Мы сюда натаскаем землю. Наши предки всегда так делали: на каменные террасы носили землю из долины. Думаете, в том дворе, где вы сейчас снимаете комнату, испокон веку был такой сад? Как бы не так. Там некогда были одни камни. И один из трудолюбивых татар натаскал туда на своем горбу землю и построил дом...

– Что ж, я ловлю вас на слове, я приеду лет этак через пять-шесть.

– Приезжайте. С мужем, детьми приезжайте, я угощу вас самым вкусным на свете виноградом, инжиром, абрикосами...

Пока они разговаривали, масло в котле прокалилось, и Асан опустил туда мясо. Затем наколол еще дров, подбросил в печь и, подзадоривающе подмигнув Кларе, управлявшейся с последними картофелинами, направился туда, где оставил свою кирку и присоединился к работающим. Через мгновенье Клара потеряла его из виду – в клубах пыли было трудно разобрать, где кто.

Желтые языки пламени лизали днище котла, в котором шипели и скворчали в масле куски жирной баранины с луком, картофелем и приправами, распространяя вокруг аппетитный запах.

Кларе помахал кто-то издалека рукой. В облаке пыли она различала только силуэты, но поняла, что это Асан, и тоже в ответ помахала рукой, не переставая в котле орудовать шумовкой.

Жаркое уже было готово, Клара палкой загасила в печи огонь. Ей на помощь кинулось сразу трое молодых ребят. Они сняли котел, поставили на землю, подперли с четырех сторон камнями. Затем принесли воду из ручейка,

бегущего неподалеку. К ним подходили поочередно пожилые мужчины, уже убеленные сединой, и они поливали им на руки. Молодые спустились по откосу к речке. Все умылись и чинно расселись за длинным, сколоченным из неотесанных досок столом, оклеенным газетами. Клара накладывала еду в алюминиевые миски, а парни относили к столу, держа чистыми полотенцами. Потом позвали Клару и усадили на почетное место, у торца. Напротив нее во главе стола расположился сухощавый, небольшого роста старик с седой бородкой, в черной каракулевой шапке. Держа перед собой руки ладонями к себе, он прочел короткую молитву, и все приступили к трапезе. Ели торопливо, не забывая, однако, нахваливать обед. Кто поел, сразу вставал, не посидев и лишней минуты, и направлялся к тому месту, где работал.

Асан тоже поднялся, дожевывая кусок и утирая губы рукой.

– Хоть бы чуть-чуть передохнули, – не выдержала Клара. – Будто кто вас в шею гонит!..

– Время гонит, время, – сказал Асан. – До первого снега у нас над головой должна быть крыша.

Клара вздохнула. Она, конечно, поняла, почему он целую неделю не появлялся на пляже. До того ли ему? И произнесла то, что уже давно вертелось на языке:

– Можно, я иногда... буду вам помогать?

– Вы даже не представляете, как здорово помогли сегодня. После такого обеда каждый будет трудиться за двоих.

– Я умею не только стряпать. Я и лопату умею держать...

– В таких-то руках? – снисходительно улыбнулся он, кивнув на ее маленькие нежные руки.

Она машинально глянула на свой маникюр и вместо ответа решительно подобрала валявшуюся на землю совковую лопату. Подошла к траншее и, спрыгнув вниз, стала сгребать лопатой землю вперемешку со щебенкой, выбрасывать наружу. Отговаривать ее Асан не стал, сообразив, что это бесполезно, а расположился напротив и тоже принялся за работу. Клара трудилась усердно и расторопно. Вскоре ее блузка, взмокнув, потемнела и прилипла к спине, кожу на лице стянуло от пыли. Эта пыль пахла виноградом, инжиром, абрикосами. Переводя дух, она минуту, другую стояла, опершись на черенок лопаты, и немного досадовала, что Асан вкалывает то ломом, то киркой так, что ему даже некогда взглянуть в ее сторону. Он говорит, что тут жили все его предки, прадеды и деды, прабабки и бабки. Он тоже будет жить тут. А затем дети его, внуки. Интересно, есть ли у него дети?..

Клара довольно устала и уже поглядывала на солнце, стараясь определить, который час и долго ли еще продлится эта ее каторжная работа, в которую впряглась добровольно.

Солнце уже зарумянилось и чуть-чуть сплюснуло краешек, касаясь покатой, с рыжими подпалинами горы, которая отгораживала от их взора море. Вся долина, окаймленная поджаристыми, словно только что из печи караваи, холмами, и зеленые купы деревьев подле них, и проселочная дорога внизу,

накатанная колесами телег и отмеченная всего-то двумя параллельно вьющимися в траве тропками, и сереющие на горных склонах, каменные глыбы, все расплывалось и дрожало в прозрачном мареве. Где-то не очень далеко, видно, выращивали лаванду. Прилетающий из-за холмов ветерок приносил через виноградники, перелески, табачные плантации аромат лаванды и приятно холодил шею, лицо. Клара с удовольствием бы сняла блузку и осталась в лифчике, но женский инстинкт ей подсказывал, что среди этих суровых с виду мужчин лучше не делать этого.

По Асану не скажешь, что он сколько-нибудь устал. Он работал как одержимый. Его темное от пыли лицо исполосовали ручьи пота. В больших черных глазах горело упрямство и безумная надежда. Но вот выражение его глаз изменилось, когда он посмотрел на Клару, он улыбнулся и, разлепив губы, сказал:

– Хватит с вас, отдохните.

– Я не слишком напряглась, не то что вы, – улыбнулась она ему в ответ.

Асан отдыхал, присев на край траншеи, не более пяти-шести минут, и они успели перебросится всего несколькими словами, когда старик в каракулевой круглой шапке, следуя мимо, крякнул, глянув в их сторону, и многозначительно покашлял, поднося ко рту кулак. Он был среди них старейшиной и, наверное, имел на это право. Намек его Асан сразу понял, схватил снова кирку и давай опять ею махать. Слежавшийся песчаный слой отделялся от каменистого грунта. Каждый удар кирки выворачивал небольшие камни, сидевшие плотно в твердом подпочвенном слое. Порой раздавался скрежет, из-под кирки вылетали искры. Асан брал лом и принимался долбить землю вокруг камня. Лом был тяжелый, на широкой груди Асана, на плечах и руках, лоснящихся от пота, играли, перекатываясь, мышцы. Иногда камень попадался слишком большой, и его приходилось разбивать прежде, чем извлечь из траншеи.

Солнце, наконец, на три четверти погрузилось за гору, и сразу резче обозначились на склонах овраги, бугры, углубления, а в долине стала накапливаться тень, постепенно густея.

Старейшина объявил, что день, отведенный Аллахом для работы, истек и, взяв кумган – узкогорлый гончарный кувшин с длинным носиком, отправился к речке, чтобы, совершив омовение и уединясь за скалой, совершить последний вечерний намаз. И сразу перестали стучать кирки, ломы, скрежетать лопаты, и стало так тихо, что у Клары зазвенело в ушах.

Пока Асан с помощником ставили на печь котел и разводили под ним огонь – подогреть оставшееся от обеда жаркое, многие уже успели умыться в ручье и шли обратно, утираясь полотенцами.

Клара и Асан умывались в одном бочажке, сидя на корточках по разные его стороны, напротив друг друга, и стараясь не замутить воду. Их руки в воде нечаянно соприкоснулись, она вздрогнула, будто коснулась оголенного провода. Скрывая волнение, она зачерпнула ладошкой воды и брызнула на Асана. Он засмеялся и тоже обрызгал ее.

Когда они вернулись к стану, горячее жаркое уже было на столе. Все сидели и ждали их. Клара хотела было отказаться от ужина, сказав, что она поест дома, но все дружно запротестовали и усадили ее почти насильно. После краткой молитвы и благословения старейшины все принялись за еду. Клара про себя отметила, что на столе ни единой бутылки. Никто даже намеком не выказал желания отметить стопкой конец трудового дня, что, наверное, не преминули бы сделать в ее родных краях.

После ужина развели небольшой костер. Вынесли из палаток старые паласы, овечьи шкуры и удобно расселись вокруг огня. Стояла ранняя осень с долгими светлыми вечерами и прозрачным высоким небом, на котором уже блестели, как леденцы, редкие звезды. Темнеющая поодаль гора с зависшей над ней блеклой луной казалась олицетворением покоя и тишины. В течение дня этим людям было некогда поговорить друг с другом, теперь же у костра текла тихая беседа, временами раздавался смех. А днем Клара подумала было, что тут собрались все, как на подбор, одни молчуны. Она лакомилась ядрышками орехов, перемешанными с кишмишом, которые насыпал ей полную горсть Асан, прислушивалась к незнакомой речи, в которой часто мелькали русские слова, и радовалась чему-то, сама не зная чему, глядя на освещенные светом костра лица. Ей было хорошо оттого, что с ними потрудилась, что они признали ее за свою. Ей казалось, что теперь она прекрасно знает этих людей, проработав с ними всего один день.

Молодой мужчина, русый и голубоглазый, с пушистыми усами и бакенбардами, похожий более на жителя северных широт, нежели на южанина, сидя по-восточному, скрестив ноги, взял в руки аккордеон; и полилась чарующая восточная мелодия над долиной и горами, взвилась к небу вместе с искрами костра. Сначала все просто слушали, а потом кто-то негромко запел. К голосу поющего еще кто-то присоединил свой голос. И постепенно песню подхватили все остальные. Это была грустная песня, в ней говорилось о том, как тоскует по родному дому разлученный с родиной человек, что вода там, где вкусил ее впервые, самая сладкая, а воздух, где совершил первый вдох, самый целебный... Этим людям не было необходимости возбуждать в себе веселье всякими там зельями, водкой или вином.

Вдруг Клара спохватилась, вспомнив, что уже поздно, а ей вон куда топать. Ей предложили остаться, заверяя, что предоставят отдельную палатку, где ночью она будет себя чувствовать как у матери за пазухой. «Нет-нет, – отказалась Клара. – Подруга будет беспокоиться».

Луна поднялась высоко – ее будто кто начистил песком – было светло, как днем. Они с Асаном направились прямо по стерне, чтобы спрямить дорогу. Клара шла рядом, едва не касаясь его плечом, и молча поглядывала на него сбоку. От него пахло хлебным полем. Ей казалось, этот запах наполняет ее легкие, проникает в кровь, будоража и волнуя.

Наконец они вышли на тропу, которая белела, словно посыпанная мелом, и каждая соломинка на ней блестела золотом. Она тянулась поперек обширного поля, край которого постепенно загибался вверх, все выше, выше, и у подошвы горы упирался в скалы, по которым струился голубоватый лунный свет. Тихо и таинственно было вокруг. Справа темнели, сливаясь, купы сонных деревьев, то ли роща, то ли чаир, одичавший сад, оставшийся с тех времен, когда здесь была чья-то усадебка. Там робко покрикивала сплюшка. Вдруг донеслись чьи-то голоса, послышался девичий смех. Конечно же, лучшего места для уединения влюбленных быть не могло. «А что, если взять его под руку и прижаться к его плечу?..» Она тихо засмеялась, посмотрев на него, и отогнала эти мысли, нашептываемые, должно быть, ей на ухо дьяволом-искусителем. Пустынная местность, лунный свет, присутствие рядом мужчины словно околдовывали, вызывали у нее странные мысли. Стоит ему сейчас на нее посмотреть, она утопит свой взгляд в его черных, как омуты, глазах; потянет руку – она вложит в нее обе свои ладони; положит руку на плечи ей – прижмется к нему; слегка к ней наклонится – она с готовностью приоткроет губы для поцелуя…

Шли они медленно, словно прогуливаясь, однако вскоре достигли места, где тропа, протиснувшись между двумя гладкими отполированными скалами, перебегает на другую сторону горы. Отсюда весь поселок, усыпанный точками огней, уже был виден как на ладони. Спускаться оказалось потруднее, чем подниматься вверх, да и тропа тут была круче, обегала камни, колючий кустарник, а у Клары подкашивались ноги от усталости. Да и луна осталась по ту сторону горы, позволив тут властвовать тьме. Клара чуть замешкалась перед тем, как спрыгнуть с каменной ступени, он невзначай наскочил на нее сзади и обхватил, стараясь сохранить равновесие. На миг ей показалось, что две сильные руки ее обнимают, готовые задушить в избытке страсти. Ее самою охватило волнение, и она провела ладонью по его рукам. Но когда через мгновение он ее отпустил, и она посмотрела ему в глаза, то ничего в них не заметила, ни малейшей тебе искорки, не то что огня воспылавшей страсти, что оказывается, совсем напрасно приписывают южанам.

Несмотря на поздний час, в большинстве домов горел свет. Развешенные кое-где вдоль улицы фонари тускло светились сквозь кроны деревьев, разливали желтые лужицы света на отдельные участки тротуара. Еще прогуливались, стараясь держаться тени, отдельные пары и рассеялись по темным закоулкам. Откуда-то доносился нестройный хор подгулявшей компании, вялые голоса и женский смех…

Чем ближе оставалось до дому, тем больше у Клары портилось настроение. Глубоко вздохнув густой ночной запах осенних хризантем, Клара толкнул калитку. Она оказалась незапертой. Значит, ее ждали. Асан облокотился о штакетник. Они стояли и молча глядели друг на друга в полумраке. Клара проговорила, отводя взгляд в сторону:

– Сама не знаю, чего это ради я к вам потащилась.

Она думала, что он скажет, хорошо, мол, сделала, если бы она не пришла, то он сам стал бы искать ее и нашел. Но он молчал, глядя в темноту, и она продолжила:

– Мы с подругой каждый день на пляже. Приходите.

– Некогда, вы же видели...

– Вы же в тот раз нашли время.

Его брови сомкнулись на переносице, он провел рукой по щетинистой щеке и целую минуту думал, прежде чем произнести:

– Тогда разгромили и разграбили наш лагерь... Мне необходимо было успокоиться, собраться с мыслями...

– Ну и успокоились? – спросила она, чувствуя, как просится на язык что-нибудь желчное, что пробрало бы его, пробив толстую, как у слона, кожу.

– У нас старые люди говорят: «Если тебе очень плохо и сердце готово разорваться от боли, а шайтан тебя науськивает схватиться за кинжал, то пойди к морю, посиди на берегу, опустив в воду руки – и к тебе придет успокоение, просветлеет разум, а в члены вольются новые силы». Я пробовал – помогает...

Они опять надолго замолчали.

– Лучше б глаза мои вас не видели! – в сердцах произнесла Клара.

Когда он поднял голову, ее перед ним уже не было. Лишь простучали каблучки по мощеной дорожке в отдаленьи, скрипнула, выплеснув сноп света, и захлопнулась дверь.

Ей отперла дверь сонная Нинка, вылезшая, как видно, из постели, босая и растрепанная, до неузнаваемости без макияжа страшенная, чистая Баба-Яга, и недовольная, видите ли, что ее потревожили, и давай Кларе чистить хвост да выговаривать, что она, распутница, шляется-де чуть ли не до утра неведомо где и с кем, вызвав тем самым у Клары вместо негодования дикий хохот.

Сегодня Клара устала, вернее, чересчур устала, но была так возбуждена, что, пожалуй, еще с удовольствием бы поболтала, но Нинка ухнулась в постель и, натягивая на себя простыню, буркнула: «Туши свет, беспутная!..»

Когда Клара проснулась, Нинка сидела перед зеркалом и наводила марафет. Поднялась Клара не сразу, а некоторое время полежала с закрытыми глазами: ей было над чем подумать, никак не могла решить, куда сегодня подаваться – на пляж или опять... «организовать себе экскурсию по окрестностям»?..

Пока завтракали, Нинка рассказывала, что море было вчера, как «парное молоко», а один симпатяга из Череповца, с виду атлет, не хуже того дикаря, с которым Клара плавала куда-то, только благовоспитанней и почти интеллигент, угощал ее мандаринами и виноградом, а потом они полдня катались на морском велосипеде и любовались медузами, которых было полным-полно, как никогда, и все такие большие и красивые, всевозможных расцветок, прямо подводный карнавал какой-то; одну она хотела достать и плюхнулась в воду, а он испугался, думал, она не умеет плавать, бросился за ней, ну и смеху-то было…

Нинка ни словом не обмолвилась о позднем возвращении Клары и демонстративно ни о чем ее не расспрашивала. Потом спросит как бы невзначай, когда Клара как раз этого не ждет. Она к тому времени забудет, думает Нинка, заранее приготовленный ответ и проговорится. Дурочка, не знает, что и проговариваться не о чем, а ведь не поверит…

Про себя решив, что больше на ту сторону горы ни ногой, Клара отправилась с Нинкой на пляж. Там, по ту сторону горы, у людей, что строят себе дома, – совсем другая жизнь. А у нее – своя. И незачем встревать ей, куда не следует.

На пляже их поджидал Нинкин белокурый симпатяга. Он пришел пораньше и занял для них место. Парень и вправду показался общительным, веселым, так и сыпал анекдотами, вынуждая их хохотать до неприличия громко. Он был столь разговорчив, что принесенную им «спидолу» ни разу не пришлось включить. А потом они вместе отправились обедать в столовую и, как по мановению его волшебной палочки, на столе появилась бутылка знаменитой «Массандры». Так что на пляж они снова попали только перед вечером.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего, если не считать, что лежавший на сердце у Клары камень давил все ощутимее. Если вчера тяжесть на сердце накатывала лишь временами и она старалась отвлечь внимание болтовней белокурого симпатяги, то сегодня прибегать к тому же средству у нее не всегда хватало сил.

А утром третьего дня она Нинке сказала:

– Давай пойдем, посмотрим, что они там делают.

– Кто... – вытаращилась Нинка.

– Ну они... Интересно глянуть, как у них там продвигается...

– Ну, и валяй, если интересно! – озлилась Нинка. – Дура я, что ли? За этим сюда приехала?

Клара, конечно, не без колебаний, решила опять отправиться за гору одна. Они сухо распрощались с Нинкой у калитки. И Клара стала медленно подниматься в гору по уже знакомой, мокрой еще от росы тропинке. И вовсе не любопытства ради, не из желания узнать, «как у них там продвигается», да и вообще объяснить причину своего поступка она не смогла бы; скорее всего ее притягивал обнаруженный ею по ту сторону горы таинственный мир, в котором она еще толком не разобралась.

Утро выдалось прохладное, но поднимаясь все выше, выше, она скорее согрелась. А на той стороне, оказывается, солнце уже припекало вовсю. Над рыжими холмами и полем голубело ясное небо. Дорога ей уже была знакомой, и ничто ее сегодня не пугало на обочинах. Как странно, что в прошлый раз она тут голову теряла от страха. Стелющийся утренний туман мало-помалу рассеивался, но он был ей даже приятен...

На склоне горы, как и в тот раз, копошились люди, и она прямиком направилась через поле в их сторону. Они тоже заметили ее издалека и сразу узнали, кто-то ей помахал рукой. Часам к девяти она добралась до них,

порядком устав, но не растерявшая бодрости и очень оживленная. Ее встретили, как свою, и приветствовали кто рукой, кто кивком головы, не прерывая, правда, ни на минуту работы. Она сразу заметила, что эти три дня люди не теряли тут даром времени. Как и в прошлый раз стучали кирки, ломы, скрежетали о щебенку лопаты и в воздухе висела пыль, но это уже чуть в стороне и повыше. А там, где они недавно копали траншеи, уже возвышались на пядь правильной формы фундаменты, широкие и мощные, будто они решили тут закладывать замок, а не абы какие дома; кое-где были выложены из серого горного камня цоколи.

Пока несколько человек долбили траншеи для новых фундаментов, остальные выкладывали стены, тоже из серого и черного камня, твердого, как базальт. Асан, повязавший голову платком, голый по пояс и забрызганный раствором, держал в одной руке мастерок, в другой пригонял к стене камень за камнем. Он кивком приветствовал Клару. По глазам его она заметила, что он ей рад. Камни были неправильной формы, какими их родила природа, и Асану приходилось их класть, не жалея раствора, поворачивать и так, и эдак, пока не ложились настолько прочно, что было не сдвинуть.

Клара подошла поближе и призналась, что ее путешествие сегодня было гораздо приятнее, чем в прошлый раз. Он с улыбкой сказал, что всякий, кто хоть раз напился тут воды, навеки прикипает сердцем к здешней земле. Клара принялась из кучи камней отбирать наиболее ровные и складывать поближе к Асану. Он поблагодарил взглядом, дело у него пошло спорее. Он брал камни и клал ряд за рядом, и делал это с такой сноровкой, будто всю жизнь только и знал, что строил дома, имея дело с бетонным раствором и тяжелым, горным камнем. Клара видела впервые, как у нее прямо на глазах растет дом.

– Наверное, из кирпичей было бы быстрее, – произнесла она, чтобы что-то сказать.

И по тому, как потемнели его глаза и нахмурились брови, поняла, что спорола не то, или напомнила о чем-то неприятном.

– Как сказать... – промолвил он, осклабив в недоброй усмешке рот. – В прошлый раз мы построили из ракушечника. И что? Все пришлось вот начинать заново. Нет, кирпич и ракушечник для нас слишком мягкий материал.

Кларе пришлось ворошить, перекладывая, кучу камней, чтобы отыскивать ровные и гладкие, она пообломала ногти, и у нее болели пальцы. Подошел строгий с виду, уже знакомый ей седобородый старик в каракулевой шапке и сказал:

– Не женское это дело, дочка. Если хочешь помочь, приготовь лучше такой же вкусный обед, как в прошлый раз.

Кларе было приятно слышать от него это и ощутить себя причастной к их общему делу. Она с готовностью направилась к очагу, сложенному из трех закопченных камней. На нем уже стоял чисто вымытый казан, а рядом лежали мешки со свежими овощами, стояла лохань с нарезанным парным мясом.

– Если хотите, я приготовлю московский борщ.

Старик одобрительно кивнул. Он сам полил ей из кувшина, и она, вымыв руки, принялась за дело. Пока она чистила овощи и нарезала капусту, старик нарубил дров, развел в очаге огонь, принес два ведра воды.

Клара огляделась вокруг и сказала:

– Из ручья небезопасно пить. Где вы берете такую чистую воду?

Старик провел по усам и бороде рукой, улыбнулся, однако промолчал. Ей показалось, что за его улыбкой – какая-то тайна. Однако не стала досаждать своим вопросом во второй раз...

...После обеда Клара собрала посуду и понесла к ручью мыть, а заодно почистить песком алюминиевые миски и ложки. Асан принес туда, водрузив на плече, и тяжеленный казан. Плеснув в него воды, повернул было обратно, но Клара, чтобы завязать разговор, спросила:

– Разве этого ручейка хватит на всю деревню? К тому же он летом, наверное, пересыхает…

Асан улыбнулся. И его улыбка была такой же таинственной, как давеча у старика. Однако она ждала ответа, и он, помедлив, сказал:

– У нас будет достаточно воды… самой вкусной в округе.

– Где же вы ее возьмете?

Поколебавшись, он сделал знак рукой, чтобы она последовала за ним. Они обогнули высокую скалу, отдаленно напоминавшую мощную крепостную башню, и по каменным ступеням, как видно, вырубленным здесь в незапамятные времена, спустились к ее подножью, надежно скрытому от посторонних глаз густо разросшимися и переплетенными между собой боярышником, шиповником, орешником. А по эту сторону скала оказалась увитой до самой верхотуры одичавшим виноградом, который карабкался вверх, цепляясь за расщелины и уступы, и разветвляясь, сплошь устлал отвесную стену и добрался до усеченной вершины; его толстым, изгибающимся, змеевидным лозам было много лет, но они были свежи и полны сил, а листья темно-зеленые.

Асан раздвинул заросли и, пропустив Клару вперед, кивнул на основание скалы, одетое в мох, как в зеленый бархат.

– Видите?

Ей пришлось хорошенько вглядеться в зеленоватую мглу, прежде чем она увидела углубление в скале, похожее на полукруглую нишу, а над ним какие-то еле приметные письмена. Подле скалы темнела грязь, подернутая местами ряской, и оттуда несло сыростью и болотом. В грязи лежало несколько больших камней, ступая по которым можно было подойти к нише. Оттуда доносился звон капающей воды, и Клара разглядела в темной глубине ниши разбегающиеся круги.

– Здесь был родник, – сказал Асан. – Воды в нем хватало на всю. нашу деревню.

– И что же, высох? Еле сочится…

– Если бы высох, разве бы выжили этот виноградник и заросли?.. Просто он спрятался, дожидаясь нас, – улыбнулся Асан.

– А расчистить можно? – спросила Клара.

– Конечно. Но не сейчас, – произнес Асан, хмуря брови и опустив голову. – Стоит пронюхать про родник местным тузам, тотчас сочтут, что это – самое подходящее место для строительства их домов.

– Ну, и пусть, места, вон сколько!

– Верно. Места бы хватило. Но всякий раз они дело поворачивают так, что места не остается нам. А то, чего доброго, опять спровоцируют своих людей на погром. Им в этом опыта не занимать. Разжечь в толпе злобу гораздо легче, чем ее загасить.

– А что там написано? Я вижу, тут у вас что ни родник, то надпись...

– В прежние времена мастер мог увековечить свое имя, соорудив фонтан или отделав родник. Фонтаны и родники журчали по всему Крыму... А написано: «Добродетельному откроюсь, от недоброго спрячусь».

Весь остаток дня Клара работала с Асаном, помогая ему. Теперь ровных камней попадалось все меньше, и Асану приходилось заостренным краем молотка откалывать торчащие углы, слегка отесывать их. Стена уже выросла почти ему по пояс. Если они будут и впредь так стараться, то к зиме их дома будут готовы. Они каждый день работали с рассвета и до сумерек, без выходных, без праздничных дней. «Будет праздник, когда вселимся!» – сказал, смеясь, Асан.

После вечерней трапезы, когда на небе высыпали звезды, они, как и в прошлый раз, развели костер и удобно расположились вокруг него на овечьих шкурах и миндерах, тонких матрасах. Опять аккордеонист играл, а все остальные пели песни, грустные и веселые. Наверное, они все вечера проводят таким образом. Мелодия одной песни показалась Кларе удивительно знакомой. Слов она понять не могла, но тоже подключилась к хору и подпевала просто голосом. А потом у сидящего рядом Асана спросила, что это за песня, она будто бы ее уже слышала.

– В былые времена в Крым приходили на заработки украинские парубки да дивчины. Хлеб у себя они уже сжали, теперь помогали нашим собирать виноград, срезать табак. По вечерам они собирались вместе с нашей молодежью где-нибудь на поляне, затевали игры, веселились, пели песни. Эта песня нашим, видно, очень понравилась, они стали ее петь на родном языке. Это «Реве та стогне Дніпр широкий». Она воспринимается нами, как наша, народная. И немало наших песен поется в украинской стороне.

Клара хотела было подняться, чтобы откланяться, но ее не отпускали, говорили, что вот-вот взойдет луна, тогда и можно будет тронуться в путь, дорога станет приятнее. И правда, менее, чем через час над горами завис огромный яркий диск, заливая окрестность голубовато-матовым светом. Стало светло, как днем. Кларе было так хорошо с этими людьми, что даже не хотелось уходить. Однако она заставила: себя подняться.

Старейшина кивнул Асану и сказал по-русски:

– Ты проводишь гостью.

Клара шла по тропинке впереди, пронизанная лунным светом, и новая надежда переполняла ее. Она не узнавала сама себя, нервничала из-за того, что он опять молчит. А что, если взять его под руку? Нет, лучше, если бы он взял ее. Но ни она, ни он даже не сделали такой попытки. То ли тропинка настолько была узка, что не разгуляешься рядом, то ли оба думали с опаской о последствиях, которые не преминули бы сбыться, коснись они хотя бы невзначай друг друга…

Когда они, перевалив через гору и проследовав знакомой улицей, поравнялась с калиткой, Клара и секунды не постояла с ним, юркнула в калитку и убежала, бросив на ходу: «Прощай!»

Утром Клара не могла себя заставить подняться с постели. Она чувствовала себя разбитой, совершенно больной и решила проваляться до вечера. Она, дуреха, конечно, никогда больше не пойдет туда, на ту сторону горы. Никогда! Но и о пляже ей сегодня не хотелось и думать.

Нинка принесла из кухни чай, горячие оладьи с вареньем. Застав Клару все еще в постели, сдернула с нее простыню, прикрикнула:

– Ты что, офигела? Из-за тебя без места останемся.

– Не пойду я, Нин, никуда, дома останусь, – пробормотала Клара, отворачиваясь к стене и вновь укрываясь.

– А ты, случаем, не того, а?.. – повертела Нинка у виска пальцем, другой рукой наливая себе чай.

– Не знаю, – буркнула Клара, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, – Может, и того...

Нинка, уходя, так хлопнула дверью, что ее подбросило на кровати. Постепенно она успокоилась, и ее стал одолевать сон, как вдруг, словно электрическим током, ее пронзила мысль, сколь фантастическая, столь и нелепая. Она знает, как сделать, чтобы Асан пришел на пляж! Сон как рукой смахнуло. Она воспрянула духом. Теперь он непременно придет. Пусть не к ней, а к морю, но придет! Придет, чтобы опустить руки в море. Ему этого захочется как порыва свежего ветра в зной, как глотка воды в засуху, как встречи с любимой после долгой разлуки. И ей не нужны для этого ни колдун, ни ведьма, умеющая привораживать.

Она вскочила с кровати и стала быстро одеваться. На остывшие оладьи на столе даже не взглянула. Торопливо вышла из дому и зашагала на автобусную станцию. Часа через полтора Клара уже была в центральной усадьбе совхоза, которому принадлежали все окрестные поля, холмы, горы, виноградники, сады. Здесь как раз была конечная остановка, в аккурат напротив конторы. С толпой пассажиров вышла из автобуса и Клара. Все разбрелись кто куда, а она осталась на остановке одна. На обширной площади, обсаженной высокими кипарисами, благоухали поздние, немного увядшие розы. Широкая аллея вела мимо клумб к двухэтажному белому зданию с четырьмя колонами перед главным входом. В одном его крыле размещался сельсовет, в другом, судя по

расклеенным афишам, клуб. Правее, за деревьями, виднелся магазин с большими сверкающими витринами. Там беспрестанно скрипела, открываясь и закрываясь, дверь.

Автобус, зафыркав и выбросив облако выхлопных газов, укатил с пятью-шестью пассажирами. А Клара все стояла и размышляла: «В контору зайти?.. Нет, лучше в сельсовет... Или все-таки в контору?.. Впрочем, какая разница? Расскажу местным «тузам» о роднике, который показал мне вчера Асан, скажу, что воды в нем с избытком, расхвалю, какая вкусная, что в целом свете нет, что продляет жизнь, старцев делает молодыми, слабосильных – могучими, бездетных – многодетными… А тут, в центральном поселке, воду качают из артезианских колодцев, она солоновата, и той не вволю, в день три-четыре раза отключают, пока накопитель наполнится… А может, зайти лучше в магазин? Гляну, чем он богат. Постою в очереди, разговорюсь, и ненароком проболтаюсь о роднике...»

Ноги устали, и Клара села на скамью. В конторе, за ее спиной, хлопала входная дверь, туда все время заходили и выходили люди. Из открытого окна доносилось нечастое постукиванье пишущей машинки, кто-то неумело печатал; раздался телефонный звонок, звонкий девичий голос стал выкрикивать: «Але-е!.. Але-е!..»

К зданию с колоннами, что за площадью, то и дело подъезжали и отъезжали машины, мотоциклы. То здание, видимо, было главным средоточием деловой жизни тут, на селе. Наверное, лучше пойти туда…

Клара и сама не знает, сколько просидела на скамейке. На остановке собрались люди, разговаривали со свойственным южанам акцентом, шелуша семечки, делясь новостями. И когда подкатил следующий автобус, Клара была совершенно спокойна. Вошла в него вместе со всеми и вернулась в прибрежный поселок.

Успокоиться-то она успокоилась, но отнюдь не обрела душевного равновесия, которое дается чистой совестью и христианскими поступками. Она чувствовала себя последней сволочью и пугалась мысли, что ведь могла зайти в контору или в сельсовет, или в чертов магазин и там... Она бы прокляла себя и век не простила. Как только в голову ей могла прийти столь бредовая мысль? Может, правда, существует бес, который подстрекает людей на грех, из-за которого потом придется держать ответ на том свете?..

Нинка вернулась с пляжа довольно рано, как видно, обеспокоенная состоянием подруги, и застала ее на кровати в той же позе, в которой оставила утром. Даже оладьи на столе были не тронуты. И ей, конечно же, в голову не могло прийти, что днем Клара побывала невесть где. А та бы под страхом смерти об этом никому не рассказала.

На следующий день Клара тоже предпочла остаться дома, сославшись на головную боль. «Гляди, не заболей мне!» – всерьез встревожилась Нинка и спросила: – «Может, и мне остаться?»

«Нет, ты иди, Нин, – сказала Клара. – Я побуду еще денек дома и оклемаюсь». И Нинка ушла, оставив ей целую пригоршню всяких таблеток в слюдяных обертках. И Клара до самого вечера провалялась в постели, чувствуя себя по-настоящему больной. Пробовала читать, но тщетно, ничего не лезло в голову. Все мысли вытеснялись одной: чтобы выздороветь, она должна отпить воды из того родника...

А утром следующего дня Клара опять была на стройке. Ее встретили радостными возгласами. На кого ни глянет, каждый улыбается, кивает ей или машет рукой. Настроение у всех приподнятое. И есть отчего. Стены двух больших домов уже были готовы, осталось возвести крыши да вставить окна, двери. Тогда в них можно будет работать и в непогоду, стлать полы, делать потолки... А там, где в прошлый раз рыли траншеи, теперь подсыхали бетонные цоколи фундаментов и уже наметилась улица. Тут будут стоять в ряд белые дома, задней стороной к горе, фасадом к долине. А во дворах у всех будут плодоносить деревья, благоухать цветы. Красотища!..

Асан с помощником клал стену уже другого дома. Клара его не сразу и узнала: по-прежнему небритый – а борода ему, пожалуй, даже идет! – голова обвязана платком, из-под которого торчат седые от пыли космы. Брови, ресницы тоже седые, а лицо смуглое, как у араба. Увидел Клару – зубы блеснули, глаза засверкали – заулыбался. Помощник его, молодой парнишка, такой же чумазый, кивнул ей: «А мы вас еще вчера ждали!»

Клара стала озираться, прикидывая, за что ей взяться, а Асан засмеялся и советует:

– У нас каждый занимается тем, что он лучше всего умеет делать. Самое лучшее, если бы вы принялись за готовку. Теперь мы как садимся за стол, так вас вспоминаем.

И она отправилась к очагу. Одновременно с ней подошел старейшина в круглой каракулевой шапке.

– Мераба, дочка, добро пожаловать.

– Здравствуйте, мир вам.

– Твоими бы устами мед пить, мир нам сейчас всего дороже, – сказал он ей и почему-то вздохнул.

Сейчас Клара не придала его словам особого значения, их смысл ей станет понятен чуть позже.

Старик окликнул двух молодых парней, что-то велел им по-татарски, а сам принялся разводить в очаге огонь. Парни принесли в мешке морковь, лук, обернутой в марлю полтуши барашка и в большой белой торбе рис. Один из парней расстелил на траве широкую клеенку, высыпал на нее рис и, пристроившись с краю на коленках, стал перебирать, отделяя от кучи по зернышку, словно жемчужинки; а другой разрубил топором тушу на несколько частей, поточил о продолговатую гальку нож и стал резать на куски мясо. Клара замешкалась, не зная за что приняться.

Старик рукой подозвал ее:

– Вы наша гостья, – сказал он, сидя на корточках перед очагом и раскуривая от щепки самодельную трубку. – А мы вас еще по-настоящему не угостили. У нас так не положено. Сегодня мы приготовим плов. Если хотите, помогайте. Мы хотим угостить узбекским пловом.

– Спасибо, – поблагодарила Клара и, чтобы доставить старику удовольствие, решила польстить: – Вы такой счастливый, вас все так уважают.

Старик, посуровев, сказал:

– Свое счастье мы еще только строим, дочка. Истинное счастье поселяется в доме, который человек построил своими руками. А потом передается по наследству, опять же с домом, детям, внукам... Если же кто покидает родной дом, счастье его остается. Потому что счастье – это не вещь, его в чемодан не упакуешь и не увезешь. А многие наивные люди скитаются по свету в поисках удачи и счастья. Невдомек им, что надо возвратиться в отчий дом, где они и оставили без призора свое счастье…

– А у кого дома нет?

– Тот строит сам, как мы.

У Клары есть дом. В деревне. После смерти мамы обезлюдел. Стоит с заколоченными крест-накрест дверьми и окнами. Забор из штакетника повалился, двор зарос лебедой. И бродят по нему заблудившиеся чужие козы и куры…

Подумав об этом, Клара вздохнула.

От очага потянулся сизоватый дымок и, стелясь по земле, стал стекать по откосу. Старик посмотрел на дым, перевел взгляд на небо, на котором не было ни облачка, и, покачав головой, удрученно заметил:

– Дождь будет. Придется над очагом тент натянуть.

И он ушел, чтобы кому-нибудь поручить это сделать.

А Клара подошла к парню, перебиравшему рис, подсела с противоположной стороны клеенки, стала ему помогать.

Старик принес, держа в охапке, огромный лоскут брезента. Парни вскочили, бросились к нему. Они втроем вставили в готовые лунки четыре жерди и натянули над очагом тент.

Вскоре в казане, шипя, жарилась в прокаленном масле баранина с луком и тонко нарезанной морковкой, распространяя вокруг аппетитный запах и вынуждая строителей то и дело поглядывать на солнце, пытаться определить, долго ли еще до обеда.

Однако ближе к полудню небо поблекло, а солнце потеряло свой ослепительный блеск. Хоть смотри, не щурясь. На небе вроде бы ни облачка, а оно утратило силу, затянулось мутноватой пеленой, перестало греть. Со стороны моря, из-за горы, потянуло влажным ветерком. Брезентовый тент над очагом затрепетал. И еще что-то в природе изменилось: воздух что ли наэлектризован. А в душе возникла странная тревога.

Ветер откуда-то донес рокот трактора, которому вначале никто не придал значения. Но когда из-за горы медленно выполз, звякая гусеницами, натужно ревя, бульдозер и стал приближаться по проселочной дороге, многие стали с

тревогой поглядывать в его сторону. Клара заметила, как некоторые обмениваются взглядами и кивают друг другу: да, дескать, тот самый, уже им печально знакомый. Бульдозер круто свернул с дороги и стал карабкаться в гору, сверкая задранным, зеркально отполированным отвалом, с каждой минутой приближаясь, угрожающе рыча. Люди перестали работать. Кто стоял на стене, а кто внизу, на куче камней. Лица их были напряжены. Они не сводили глаз с переваливающегося с боку на бок железного чудовища.

Вдруг из-за горы на полном ходу вынесся старый, видавший виды автобус и стал быстро приближаться, оставляя за собой шлейф копоти и пыли, дребезжа всеми железками, подпрыгивая на ухабах и опасно кренясь на зигзагах дороги. Он был явно перегружен. Из окон высовывались и исчезали руки, головы, кулаки, кому-то грозившие. и сквозь шум доносились крики, матерщина. Не успела за автобусом осесть пыль, как из-за поворота выскочил грузовик с набитыми людьми кузовом…

Строители вооружились кирками, ломами, топорами и сгрудились на пути бульдозера. Клара смотрела на них широко открытыми глазами, полными страха, и не сомневалась, что эти люди готовы защитить свои дома или умереть.

Автобус вслед за бульдозером свернул с дороги. Водитель, видать, из лихачей, хотел с разгона въехать в гору, да откос оказался слишком крут, в буграх да ямах, колеса проваливались, грозя отвалиться. Автобус качнулся влево, вправо и замер. Двери с шипеньем отворились, и из них с криком вывалилась какая-то серая масса людей, ощетинившаяся дубинами, ломами, кувалдами. Среди них мелькало несколько фигур в милицейской форме. Вся эта толпа повалила в гору, беснуясь, грозя. Даже издалека было заметно, что среди них нет никого, кто твердо стоит на ногах, кого не шатает…

Грузовик тоже круто, едва не опрокинувшись, свернул вправо, запрыгал, задергался и встал рядом с автобусом. Из кузова посыпались мужики и ринулись в гору вслед за первыми, некоторые падали и, вскочив, снова перли вверх, упираясь в откос ногами, а кто на карачках. У них над головами взвились плакаты – белым по красному, черным по белому – написанные твердой, не пьяной рукой: «Татары: Ваша родина – Монголия!», «Татары! Сталин был прав!», «Не допустим нового нашествия татар!»

Никто не заметил, как побледнела Клара. Она сразу связала происходящее со своим посещением центральной усадьбы совхоза, но быстро взяла себя в руки. Она ж тогда и словом ни с кем не обмолвилась. И все же взволнованная сопричастностью к тому, что сейчас произойдет, и мучимая страхом за Асана, она искала его взглядом среди плотно сомкнувших ряды татар. Она хотела было броситься навстречу толпе, распростерши руки, и закричать: «Остановитесь! Что вы делаете?! Вы же люди-и!..» Но кто-то крепко схватил ее за предплечье и бесцеремонно отпихнул назад, к самой скале. И вдруг где-то впереди раздался севший от волнения, но твердый голос старейшины. Он повернулся лицом к своим людям и высоко над головой поднял Коран:

– Именем Аллаха заклинаю вас, дети мои! – обратился он к ним. – Да не прольется тут и капли ничьей крови! Прошу всех вон туда, – показал он рукой на скалу, что прятала у своего подножья родник. – Скорее!.. Пусть у нас за спиной будет наша защитница. Магомед, да святится имя его, сказал: «Истинный верный не прольет ничьей крови, пока никто не пролил его собственной или близких...» Если они возжаждут наших жизней, то я благословлю вас на бой именем Пророка!..»

Татары попятились к скале, не ломая рядов, встали плечом к плечу, лица в потеках пота, суровы, но не испуганы. А Клара стояла позади них, леденея от страха, и глядела то на приближающуюся орущую толпу, впереди которой ветер гнал волну сивушного смрада, то на отступивших потных мужчин, у которых на скулах играют желваки, а мускулы на руках твердые, как железо, от непрестанного труда. О, эти мужчины умеют владеть собой. Сжимая в руках свое оружие, которым они пользовались во время работы, с напряженными лицами стояли у подножья скалы и смотрели, как на строительную площадку вползает бульдозер, а за ним движется толпа с дубинами, ломами. Налетевший ветер вырвал из их рук несколько бумажных плакатов, поднял высоко вверх, шелестя и комкая, и унес в поле.

Бульдозер остановился в начале будущей улицы. Толпа обступила его с двух сторон, задние напирали, и она колыхалась, рычала, словно грозный зверь. От нее отделился толстый коротышка в серой фетровой шляпе и зеленом плаще. Под мышкой он сжимал мятый старый портфель. За ним неотступно двигались двое милиционеров с наганами в руках и озирались по сторонам, будто на них кто-то собирался напасть.

Шагах в тридцати от татар толстячок остановился, широко расставив короткие ноги, прокашлял горло и, стараясь придать сиплому голосу грозную интонацию, спросил:

– Кто здесь старший?

– По возрасту старше всех я, – сказал старик в каракулевой шапке и выступил вперед.

– Меня ваш возраст не интересует. Кто главный?

– У нас люди отличаются друг от друга только по возрасту. В остальном все равны.

– Я председатель сельсовета, – представился толстячок.

– Знаем тебя, как облупленного, – усмехнулся старейшина. – Что тебе надо опять от нас?

– Какое вы имеете право здесь затевать строительство? – спросил, сверкая белками глаз, председатель сельсовета.

– А разве мы твой порог не обивали? Разве мы у тебя не просили места?

– Ну и что? Нет у нас лишних участков.

– Посмотри на него!.. – старейшина обернулся и показал пальцем на стоящего за ним пожилого мужчину. – И на него!.. И вон на него! В центральной усадьбе совхоза, там же, где твоя контора, и сейчас стоят их дома. Но разве они пошли к тем, кто ныне в них живет, и сказали: «Убирайтесь! Этот

дом строил мой дед!..»? Нет, не пошли и не сказали. А зачем ты их привел сюда, живущих в наших домах? Вон они стоят в толпе и прячутся за чужие спины. Видать, не совсем растеряли совесть, если хоть чуточку стыдно… Мы пришли к тебе и сказали: «Пусть эти люди живут в наших домах, как жили. А ты отмерь нам другой клочок земли, где мы можем построить дома. Ты не отмерил. Ты не дал. Поэтому мы строим здесь.

– Это место давно занято! Оно выделено под садовые участки!

– Мы и это знаем. Даже знаем кому. Районному начальству... Но если уж говорить о том, кто первый занял, то место это было занято еще нашими предками.

– Без разрешения вы не смели тут строиться!.. – заорал, побагровев, председатель сельсовета, и у него из под мышки выскользнул портфель; грохнулся бы ему о землю, не подхвати его на лету милиционер; внутри звякнули бутылки, сэкономленные, как видно, после раздачи для себя.

Вдали глухо пророкотал гром, откликнулось небо.

Силы оставили Клару, и она опустилась на камень. Ей трудно было поверить, что все это она видела наяву. Она смотрела на всюду разбросанные измятые палатки со следами подошв, на людей, которые ходили среди учиненного беспорядка и подбирали с земли то, что уцелело, одеяла, подушки, счищали с них грязь. Некоторые уже зашивали суровыми нитками порезы на палатках, разгибали и правили молотками алюминиевую посуду, несли к ручью мыть и чистить. Кто-то собрал лопаты, разбросанную по земле еду, отнес в такое место, где никто не ступит ногой, и закопал. В несколько минут сложили новый очаг, поставили чисто вымытый котел. Те же парни опять расстелили клеенку и стали заново перебирать рис… Кларе хотелось присоединиться к ним, но она не могла сдвинуться с места. На глаза наворачивались слезы. Ей никогда не забыть всего этого. Теперь не красота долины и гор ей будет вспоминаться, а перед глазами всегда будут пестреть на темной земле изорванные палатки, разбросанные вещи, вмятый ногами в грязь хлеб, опрокинутый котел, вываленный в лужу белый рис…

Кто-то ей на плечо положил легкую руку, и она встрепенулась. Это был старейшина. Он приветливо улыбнулся.

– Извини, дочка, что так получилось, но мы все равно угостим тебя пловом.

Она дрожащим голосом произнесла:

– Вдруг они опять?.. – спазмы сдавили ей горло.

– Мы не боимся.

– А если развалят?..

– Мы построим.

– А они опять?

– Мы опять построим. Еще крепче. Прочнее.

Клара взяла коричневую, в набухших венах руку старика и прижала к щеке, мокрой от слез.

***

Море не то, что земля, которую осень украшает по своему разумению и вкусу. Море выглядит всегда так, как хочет само. Оно и сейчас менялась прямо на глазах по мере того, как поднималось солнце. Вдали оно, там, где смыкается с небом, темно-синие. А вдоль длинного мыса, где, отсвечиваясь в воде, вздымаются розовато-желтые скалы, оно серебристо-серое, словно выцвело, и там среди рябящих волн то вспыхивают, то гаснут желто-красные разводы. Сначала Клара не поняла, что же это, а лишь вглядевшись в скалы, она увидела среди них пламенеющие желтым и красным огнем заросли кизила и сумаха. От колышущейся, двигающейся, словно живая, водной массы, которая перемешивала краски и растворяла в себе солнце, исходил удивительный покой, полня душу благоговением и предчувствием чего-то прекрасного, радостного.

День быстро разгорался, мутная синева в воздухе таяла, и высунувшееся из-за горы солнце стало разливать по морю мерцающее золото.

Она и Асан лежали на берегу, подставив теплым утренним лучам коричневые спины, и швыряли в воду камешки. Рядом с его одеждой стояло эмалированное ведро, завязанное сверху марлей. Высоко над головой кричали чайки.

Клара с грустью подумала о том, что ей завтра уезжать. Нинке хорошо, она останется еще на неделю. Они со своим знакомым купили билеты на теплоход – отправятся на экскурсию в Ялту, Судак, Феодосию… Последние дни отпуска всегда таят в себе неизъяснимое очарование, и, наверное, поэтому пролетают так быстро. Эти дни превзошли все Кларины ожидания – с утра до вечера на небе ни облачка. Поистине бархатный сезон. Чтобы преждевременно не портить себе настроение, Клара старалась не думать о всяких там заботах и хлопотах, которые ожидают ее по возвращении домой, и когда ей это удавалось, то в сознании рождались тысячи трепетных грез, которые, правда, уносились вслед за кричащими чайками.

Волны с шипением набегали на песок и убегали обратно, прихватывая с собой камешки, которые они бросали. Иногда, когда она заносила руку с камешком, ее плечо прикасалось к его горячему плечу, и при этом она испытывала легкое головокружение.

– Я уже не чаяла увидеть тебя, – усмехнулась и тихо проговорила Клара, и шум волны унес ее голос, как вода уносит камешки; она знала точно, сколько минуло дней с их последней встречи; интересно, помнит ли он? – Я не видела тебя целую вечность.

– Семь дней. С того дня, когда… – ему не хотелось напоминать ей о плохом, и он сказал: – ...когда мы варили плов.

– Решил опять выпросить сил у моря?

– Я все эти дни думал о тебе, – он грустно улыбнулся.

– Неужели? – засмеялась она и приподнялась на локте, вглядываясь в его глаза.

– Правда, – сказал он: лицо его было спокойно, а глаза, затененные густыми ресницами, устремлены вдаль.

– А работа как же? Неужто ее стало меньше?

– Больше. Лес привезли, крыши делаем…

– А ты? Как же они без тебя?

– Без меня трудно, конечно, им. Но один день обойдутся.

– Просто удивительно, что ты решился…

– Старейшина сказал: «Что-то давно нет Клары. Пойди проведай».

– А-а, вот оно в чем дело, – разочарованно проговорила Клара. – А зачем?

– Чтобы знать, что с тобой все в порядке.

– Со мной все в порядке. По-моему, ты уже удостоверился. И у тебя нет смысла более задерживаться.

– Он сказал: «Славная она женщина, здорово нам помогла. Возьми вот это ведро с кизилом и отнеси ей. Пусть сварит дочке варенье».

– Откуда он узнал, что у меня дочка? – удивилась Клара.

– Сказала, значит, ему.

– Нет. Я даже тебе об этом не говорила.

Асан пожал плечами и кивнул на ведро:

– Вчера вечером в лесу насобирали. Он сказал: «Кларе уезжать. Довезет ягоды свеженькими».

Клара опять с удивлением глянула на Асана:

– Как он узнал, когда мне уезжать?

– Он все знает.

– Надо же.

Она чувствовала сердцем, что он сказал не все, не сказал, быть может, о главном. И все же разговор не вязался. Они лежали лицом к морю, ковыряли пальцами песок, отыскивая камешки, и бросали, стараясь попасть в набежавшую волну, прислушиваясь к звукам, с которыми камешки плюхались.

– Слишком быстро кончился отпуск, – вздохнула Клара.

– Все хорошее кончается быстро.

Его лицо сегодня было гладко побрито. «Наверное, тоже старейшина велел – как никак на свидание с женщиной послал», – усмехнулась про себя Клара. Ее давно одолевала жажда, и она сказала, глядя в сторону мыса:

– С каким удовольствием я бы напоследок хлебнула хоть глоток той воды…

– Я собираюсь туда сплавать. Я всегда туда плавно, когда бываю здесь. Принести воды? Там есть бутылка с пробкой…

– А меня, значит, не хочешь взять? – спросила она, прищурив глаза и обнажив в улыбке кончики зубов, сверкнувших на загорелом лице, как жемчуг.

Он смутился и пожал плечами.

– Я думал...

– Поплыли!

Она вскочила, провела ладонью по выгоревшим почти до белизны волосам, тронула туго уложенный на затылке узел, проверяя, надежно ли держатся шпильки, и натянула голубую резиновую шапочку.

Он оттолкнулся обеими ногами и без брызг, как торпеда, влетел в воду. Вынырнул метрах в тридцати, сверкая белозубой улыбкой, и поманил ее рукой.

Она вошла в воду медленно, сначала омыв руки до плеч, живот, окунулась и поплыла, стараясь экономить силы. Бог весть сколько они плыли. Ей показалось, что за это время можно в самолете достичь самой Москвы. Она, наверное, пошла бы ко дну, не подставь Асан и в этот раз ей плечо. Она плыла с ним рядом, помогая себе одной рукой, их бока соприкасались, а ноги то и дело переплетались. Она уже могла разглядеть среди камней, которыми был усыпан мыс, стебельки жухлой травы со склонившимися метелками и серые кустики полыни, а ей все казалось, что они барахтаются на месте и не продвинулись ни на йоту.

Наконец он подтолкнул ее вперед, и она ухватилась за край обросшей коричневыми водорослями и ракушками глыбы. Асан подсадил ее, помогая взобраться на широкую и теплую спину камня. Она вскарабкалась, обдирая коленки, и растянулась, с трудом переводя дыхание. Асан лег рядом, он тоже шумно дышал, а его грудь высоко поднималась и опускалась. Солнце грело, а теплый ветерок приятно гладил кожу. Лежать бы так и не шевелиться. Пожалуй, хорошо бы уснуть, и тогда сразу восстановились бы силы. Но Асан сел и, подумав, что она вздремнула, коснулся ее руки. Она открыла глаза. Он спросил:

– Пойдешь со мной?

Она кивнула, хотя испытывала смешанное чувство желания побывать там еще раз и страха. Но Асан уже спрыгнул в воду и протянул к ней руки. Она наклонилась, чтобы опереться на его плечи и тоже соскользнула с камня. Они взялись за руки и нырнули…

У Клары кончился запас воздуха и конвульсивно сжималась грудь, когда наконец они вынырнули на поверхность, оставив позади себя солнечной мир. Пока Клара нащупывала ногой ступени, Асан выбрался из воды и подал ей руку.

Бледный свет потустороннего дня проникал через зеленоватую овальную полынью в каменном полу, скользил по каменным сводам, исчезая в черных трещинах и провалах, играя в сталактитовых люстрах.

Клару опять охватила странная дрожь, исходящая откуда-то изнутри, будто она озябла, хотя ей ни капельки не было холодно. Просто она, как ни старалась, не могла прогнать мысли о том, что между мужчиной и женщиной может произойти в подобной ситуации, что может произойти с ней самой немного времени спустя. И она вдруг обнаружила, что у нее отсутствует желание противиться ему даже для виду…

Он взял Клару за руку и тихонько повлек по ступенькам вверх, вглубь грота. Им преградили путь несколько каменных глыб, завалivших проход до самых сводов. И поскольку пройти далее было нельзя, Кларе представилось,

что как раз там, впереди, и скрыто самое интересное. Ею овладело непреодолимое желание проникнуть туда, где ей, быть может, откроется настоящее чудо. Конечно же, она сможет протиснуться между камнями, ей это удастся, ведь она стройная, гибкая. А по ту сторону завала ей откроется сказочно-прекрасный зал, и не один, а целая анфилада залов, и в каждом – свое неповторимое чудо…

Она отмахнулась от представившегося ей ведения и обернулась, все еще улыбаясь. Асан стоял всего в шаге от нее, и она чувствовала, как от него исходит тепло. Зеленоватый свет струился за его спиной, как из-под земли, и обтекал его могучую фигуру.

– Знаешь, а я тебя нисколько не боюсь, – вдруг сказала она, сама толком не понимая, почему это произнесла

– Зачем меня бояться? – удивился он.

– Вот и я так думаю. А то все говорят: «Восточные мужчины, восточные мужчины!..» Собой, мол, не владеют в обществе хорошеньких женщин. А вы обычные, правда? А в чем-то, может, и уступаете нашим мужикам, в нахрапистости, что ли, – она шагнула к нему и провела рукой по его гладкой щеке. – Особенно ты. С тобой можно хоть куда. Тебя женщины не волнуют, верно?.. – она говорила быстро, захлебываясь, и голос ее дрожал.

Он почувствовал, как обдало жаром его щеки и застучало в висках. Однако Асан старался не подавать виду, как его задевают ее слова, произносимые с усмешкой, пытался все перевести в шутку, вворачивая между ее паузами слово, другое, но голос у него звучал неуверенно и застревал в горле. Клара же смеялась, словно не замечая, как в его черных глазах то возгораются, то гаснут искры, как зарницы далекой грозы, и в два счета доказывала, что восточные мужчины далеко не такие, как думают некоторые бабы. Разве не так? Или, может, она ошибается?..

У нее молнией пронеслась мысль – не испугав, а развеселив, что так безрассудно может поступать безумец, взятый в заложники наглотавшимся наркотиков террористом, который с автоматом в руках требует сидеть смирно: вместо того, чтобы подчиниться и молчать, и этим сохранить себе жизнь, он поносит его, высмеивает и дразнит, пока тот не потеряет власть над собой и…

Асан схватил ее за руки и рванул к себе. Она увидела прямо перед собой его глаза, два темных омута, и себя, утонувшую в них. На губах улыбка, та самая, которая появляется у мужчины, когда он прочтет твои сокровенные мысли. Сильные руки, дрожа от нетерпения, сжали ее плечи, скользнули по ее спине вниз. Он шарил горячими губами по ее шее. А она, вдруг оробев, уперлась ему в грудь руками, но он вновь упрямо шагнул к ней. Его дыхание сделалось частым, и она видела, как трепещут крылья его ноздрей. Отступая, она уперлась поясницей в камень, плоский, как стол. Сжав ее в объятьях так, что она не могла шевельнуть и рукой, он втиснул ногу между ее коленок, которые уже не сопротивлялись. Она оцепенела, застыв в напряженном ожидании. И сразу ее опахнули миллионы неведомых морских запахов, смешанных с запахом крови и дыхания. Она видела перед собой в полумраке

его напряженное лицо, обрамленное взлохмаченными волосами, сквозь которые струился зеленоватый свет. На его лице она как в зеркале увидела отражение собственного лица, своих метущихся бровей, трепетных ресниц, закушенных пересохших губ.

– О, Господи!..

Она запустила тонкие пальцы в его густые спутанные волосы, приподнялась на цыпочки и повернула к нему лицо, чувствуя, как приобрели мягкую сочность ее губы, как, словно наливаясь, становятся упругими груди. Пространство вокруг превращалось в плывущий туман, пронизываемый радужным светом…

Вдруг он вздрогнул, как от удара, и замер. Его руки как-то сразу ослабли. Легонько ее отстранив, он резко отпрянул назад и, как пружина взвился вверх: пока опрокидывался высоко в воздухе, делая сальто-мортале, его глотка исторгала дикий вопль: «А-а-а!..» – от которого, показалось Кларе, треснут стены, обрушатся своды. Крик оборвался, когда он шумно плюхнулся в воду, взметнув каскады брызг. И свет в гроте погас, разлетевшись в клочья, на тысячу зайчиков, испуганно заметавшихся по стенам, прячась за уступами и в щелях. Все вокруг потеряло ясность, все дробилось, переваливалось, как в гигантском калейдоскопе. Клара, оцепенев от страха, вцепилась пальцами в край глыбы, о которую опиралась поясницей, и ошарашенно пялилась на Асана, который загребал обеими ручищами воду вправо-влево, фыркая и рыча, молотил по ней кулаками и она бурлила вокруг него, пенясь, вскипая, разлетаясь брызгами, а он то скрывался с головой в будущей полынье, то вновь выныривал, пока, наконец, не выдохся. Прошло еще несколько мгновений, пока узоры из переплетающихся линий света и тени вновь заплясали на бугристых сводах грота, на стенах, на нагромождениях глыб и постепенно посветлело.

Клара, обессилев, села на камень и закрыла лицо руками. Он опустился рядом на песок, обдав ее брызгами. Бережно взял ее руку, отведя от лица, и приник к ладони губами, будто положил в нее свое «прости». Она порывисто обхватила его мокрую голову и прижала к груди; так бы и прикипела, если 6 могла. Неведомо сколько они просидели так, замерев, не произнося ни слова. Она не могла взять в толк, что же все-таки произошло, но и спрашивать не решалась. Сердце его все еще колотилось гулко и часто.

– Прости меня, – тихо проговорила она. Это я виновата...

Он отрицательно покачал головой:

– Нет... – обернулся назад и, вглядываясь в темноту, показал рукой в глубину грота. – Я там увидел чей-то силуэт...

– Да ну тебя... – усмехнулась она, однако, охваченная тревогой, обернулась.

– Мне показалось, там стоит Ислам-ота и смотрит на меня...

– Час от часу не легче, – вздохнула Клара и провела прохладной ладонью по его разгоряченному лбу. – Ну, на что еще у тебя хватит фантазии?

– Правда, я видел.

– Ты веришь в потусторонний мир?

– Я верю в то, что предки и после смерти следят за своими потомками, чтобы они вели достойный образ жизни. Достойным они помогают, недостойных наказывают.

– Может, ты и прав. Наверное, поэтому меня жизнь так часто хлещет по щекам.

– Тебя вряд ли есть за что наказывать.

– Значит, есть.

– Тогда пойди в церковь, помолись, попроси прощения.

– А ты ходишь в мечеть?

– В Крыму не осталось мечетей, все порушили. А в церковь как-то заглянул. Горят свечи, пахнет ладаном...

– Ты же другой веры!..

– Ну и что? И в мечети, и в церкви учат одному и тому же: великотерпению, праведности и добру.

– А молиться же ты по-нашему не умеешь.

– Можно просто постоять среди молящихся. И это, знаешь, очищает...

– А твой Аллах не осерчает, что ты ошибся дверью?

– Аллах один. Твоя и моя вера только по-разному называются. На разных языках молимся, вот и все... А придет время – отстроим мечети. В Крыму всегда мечети и церкви стояли рядом.

– И часто тебе приходится замаливать грехи? – спросила Клара, и у нее лукаво блеснули глаза.

– По правде сказать, нам некогда ни грешить, ни молиться. Зато наш старейшина пятикратно в день совершает намаз. И всякий раз заверяет Всевышнего, что мы все живем по его заветам. Вот мы и стараемся не подводить его, дабы не прослыл наш аксакал лгуном перед Аллахом.

Клара взяла его большую руку, провела пальцем по линиям его мозолистой ладони:

– Хочешь погадаю? Скажу, что ты обо мне думаешь...

– Могу и сам сказать... Ты красивая. И самая хорошая из всех, кого я встречал. Для меня верх блаженства даже просто держать тебя за руку. Но...

Кларе показалось, что пауза его слишком затянулась и она нетерпеливо спросила:

– Что «но»?

– Мужчина должен быть сильным. Всегда. Слабость украшает только женщин.

– Ты сильный. Даже чересчур, – усмехнулась Клара и легонько погладила ладонью по бугрящимся бицепсам его плеч, рук. – Что ж, мне приятно, что ты обо мне так думаешь. Если это правда...

– Что мне сделать, чтобы ты поверила?

Не дожидаясь ответа, он вскочил и, пружинисто ступая по острым камням, исчез в темноте за глыбами. Кларе показалось, он отсутствовал целую вечность. Наконец, вернулся, бережно держа в руках медный ковш в виде ладьи, потемневший до черноты и местами с зеленоватым налетом. Подошел к

нише, из которой, позванивая, стекала, серебрясь в темноте, светлая струйка воды, и стал чистить ковш песком.

– Отец мне сказал: «Когда вернешься в родной край, пойди в наш грот, найди ковш и напейся из него воды...» – донесся до Клары его голос.

Он ополоснул ковш и зачерпнул воды. Сделал сам несколько больших глотков и поднес Кларе. Внутри у нее давно пылало, и она с удовольствием напилась. Сразу сделалось легче. И дышать стало свободнее, будто что-то отпустило в груди.

Остатки воды Асан выплеснул на себя.

– Это не простой ковш, – он поднес сосуд близко к ее глазам и провел пальцем по его краю, через который они пили, где сквозь чернь светились золотом какие-то письмена, принятые ею за узоры: – Знаешь, что тут написано? – она отрицательно покачала головой, не сводя с него взгляда, и он сказал: – «Изыди, бес, из всякого от глотка моей животворной воды». Это древний ритуальный ковш. Он сделан еще во времена язычества, задолго до того, как в Крыму воцарилось христианство и ислам.

– Да у тебя же тут целый музей!

Пропустив ее замечание мимо ушей, он продолжал:

– Из этого ковша некогда пил мой отец. Пил и я…

– Теперь и... я.

– Да. Теперь и ты. И пусть это будет доказательством того, что я выделил одну тебя из всех женщин…

– Благодарю.

– Возблагодаришь позже. Когда приедешь домой и… обнимешь дочку, мужа.

Потом они отдыхали на мягком, как пух, песке, глядя в овальное озерцо, на дне которого виднелись заиленные, занесенные песком ступени, колыхались водоросли. Она взъерошила ему волосы, улыбнулась и сказала:

– Я тебя сейчас боюсь.

–Почему? – удивился он.

– Влюбиться боюсь.

– Не бойся... Любить не грех, Бойся ненавидеть. От ненависти все зло.

Они умолкли и стали снова глядеть в озерцо, куда заплыла стайка мелких рыбок. Нырнешь в него – и очутишься в другом царстве, где солнце, много света, тепла. Как в сказке. Вот если бы там еще и радости было хоть отбавляй!.. Тут над ними не голубело небо, не сияло солнце, а ей в эти минуты казалось, что она могла бы здесь остаться навечно…

Она положила руку Асану на спину и прижалась щекой к его плечу:

– Мне хочется вознести благодарственную молитву Небу, за то что оно сделало так, что я встретила тебя, а не кого-то другого. Я никогда не была так счастлива, как сегодня.

– Всего-то день?

– И за это слава Богу. Редко кто бывает счастлив всю жизнь.

– Что такое счастье?

– Это когда два человека любят друг друга. Сколько длится их любовь, столько они и счастливы.

– Тогда можно быть счастливым всю жизнь. Потому что есть люди, которых любишь до окончания дней.

– Ты прав, – она чмокнула его в плечо. – Я люблю свою Альку.

Когда они, взявшись за руки, погрузились в зеленовато-голубое озерцо и вынырнули снаружи, то оказалось, что на белом свете уже наступил вечер. Неужели они там, в том, совсем ином, не похожем на этот, мире провели не час и не два, а целый день?

Горизонт над морем полыхал оранжево-багровым пламенем, и бежали с той стороны волны расплавленной меди, ослепляя глаза. Как разительно все изменилось, пока они отсутствовали! Растаял, как туман, тот прежний мир, а вместо него возник новый, теплый и золотистый, наполненный ароматами осени и моря. А когда поплыли, она обнаружила, что и волны стали ласковее, несли ее бережно, как на ладонях, с каждой минутой приближая к берегу.

На берегу тоже все изменилось. Краски земли стали совсем иными, словно бы природа накинула тончайшую радужную вуаль, как невеста. Песок стал золотистым и мягким, деревья и цветы на клумбах посвежели, как после дождя. Все изменилось. Но прежде всего она сама. Движения ее были быстры. Но плавны. Она не узнавала себя. Неужто она и впрямь напилась необычной воды из необычного ковша? Она шла по аллее под руку с Асаном и словно пританцовывала, ей казалось, что совсем по-другому движутся ее ноги, руки, и вся она какая-то другая, легкая, невесомая, и если вдохнет побольше крымского воздуха, то воспарит. И ее голубой сарафан, легкий, как перышко, и босоножки ей казались ее лучшим нарядом, из всего, что у нее когда-либо было.

Они поужинали в третьесортной столовой. Но эта стоповая ей показалась уютнее любого ресторана. Зачем тебе песни, зачем музыка, если она звучит в самой. К тому же Асан оказался вовсе не молчуном. О чем только они не переговорили, переключаясь с одной темы на другую: и о загробной жизни, и о перевоплощениях после смерти, и о восточной магии, и даже обсудили кое-какие газетные новости. Они медленно шли знакомой им улочкой, остановились у калитки. Их окна были распахнуты. Значит, Нинка, как ни странно, была уже дома. Асан начал было прощаться, поставив ведро с кизилом на землю, но Клара вызвалась проводить его, занесла ведро во двор, оставив на веранде. Они проследовали дальше и стали подниматься в гору. Там, где тропинка слишком круто забирала вверх или скакала по камням, Асан заботливо брал ее за руку. На пологом зеленом откосе он показал Кларе остатки крепостной стены, хранившие память о древних веках, исчезнувших поколениях. При этом он ей рассказывал услышанные им от стариков легенды о славных событиях, происходивших здесь среди зеленых и скалистых гор, тысячу лет назад. А ныне там, где некогда кипела жизнь, была бесплодная пустошь. Лишь кое-где среди камней и чертополоха можно было заметить кудрявый островок одичавшего винограда. Или засохшие стебли широколистного табака-дюбежа.

Она поднялась с Асаном на самый горб горы. И там, где по обе стороны узкой тропы отвесной стеной возвышаются серые скалы, сплошь в трещинах и темных разводах лишайника, они распрощались.

Он стал медленно спускаться в свою долину. В тех же растоптанных башмаках, латаных джинсах с разлохмаченными внизу штанинами и клетчатой, выгоревшей на плечах рубахе. Все удаляясь, он то исчезал среди пылающих костров осенних кустарников, то вновь возникал на тропе. А она все стояла и смотрела вслед ему, пока не погас за морем последний луч...

А утром, спозаранок, Нинка проводила Клару до автостанции. Обе даже прослезились, когда обнялись перед тем, как Кларе войти в автобус…

В выходные дни Клара любила по утрам, проснувшись, некоторое время еще понежиться в постели, полежать, не открывая глаз, находясь во власти очарования своих воспоминаний. Видимо, она никогда без боли душевной и тихого трепета не сможет отныне вспоминать те дни, что провела в Крыму, те осенние дни, что с каждым часом все отдаляются, как отлетевшие от дерева желтые листья, носимые ветром все дальше и дальше.

На этажерке тикали часы, отсчитывая секунды, минуты. На кухне гремели тарелки, звякали ложки, вилки, из крана лилась вода. Свекровь обычно поднималась раньше всех и начинала там возиться: кормила Михаила и спроваживала на работу. К тому времени поднималась Алька, и бабка занималась ею, а потом отводила в школу, чтобы на обратном пути зайти в магазин. Но сегодня выходной. Алька, наверное, все еще давит ухо. Когда у нее есть возможность поваляться, ее раньше десяти не поднимешь. Даже если проснется, включает телевизор, снова прыгает в постель и смотрит лежа.

Клара сегодня проснулась позже, чем обычно, но с головной болью. Какие-то пьяные молодцы до полуночи, бренча на гитаре, распевали под окном песни Высоцкого. А сон потом был неглубокий, зыбкий. Ей снилось что-то странное. Будто она, совсем девчонка, бежит, босая, по усыпанному ромашками лугу. В воздухе пчелы жужжат, мед собирают. А с пасеки голос деда зовет ее. Кинулась туда, а перед ней – обрыв. Она всплеснула руками и едва удержалась на самом краю... А там, внизу, в утреннем тумане, носится по лугу с развевающимся хвостом вороной конь, фыркает, и раздувает ноздри, и зовет кого-то ржаньем… А не ту ли белую кобылицу зовет он, силуэт которой темнеет вдалеке, на белопенной речке, бегущей по камням. Не слышит белая кобылица зова, пасется спокойно и ухом не ведет…

В прихожей открылась дверь, послышалось шарканье Михаила. Он завозился, раздеваясь, у вешалки. Наверное, мать послала его с утра пораньше в магазин.

Из кухни пахло жареной с луком картошкой, и ей сразу захотелось есть. А вставать было неохота. Скоро и ей придется вскакивать в шесть одновременно с Михаилом. Всего ничего осталось до конца отпуска.

Михаил появился в дверях с пакетом, в котором лежали пара батонов, пачка молока и еще какие-то свертки. Когда он проходил через комнату мимо нее, Клара поймала его за руку и отодвинулась к краю кушетки:

– Присядь-ка…

– Что это ты вдруг? – хмуро спросил тот, присаживаясь и ставя пакет на пол.

Она взъерошила на его голове волосы, положила ладонь на его руку.

– Миш, давно хотела поговорить с тобой, да не решалась…

– О чем это?..

– Скажи, Миш, тебе нравится, как мы живем?

– Как это может нравиться?.. – вздохнул он, отводя глаза.

– А мамин дом в деревне стоит с заколоченными крест-накрест дверьми и окнами.

– Что это ты вспомнила?

– А то, что счастье наше осталось там взаперти, Миш…

– Счастье гуляет само по себе, а человек сам по себе, и у них очень мало шансов когда-нибудь встретиться.

– Нет, Миш, ты не прав. Счастье наше там, в родительском доме. Давай уедем туда. Быть может, заживем по-людски, – муж сидел, низко опустив голову и молчал; пока не возражает, и этому Клара была рада: – Ну что нас тут держит? Мама? И маму заберем. Обзаведемся каким-никаким хозяйством – и ей будет к чему руки приложить. А когда старые люди заняты делом, дольше живут.

– А Алька?

– И для Альки там школа есть, ничуть не хуже этой. С французским, английским…

– И давно ты это надумала? – усмехнулся Михаил краем рта.

– Давно, давно. Вон и Алька подрастает. О ней думать пора. А там дом – понимаешь? – дом.

– Да видел я, – махнул рукой Михаил. – Там ой-ей сколько ишачить надо, чтоб его можно было назвать домом.

– Ну и что? Ты мужик крепкий, и я баба не слабая. Глаза боятся, а руки делают...

– Ты хочешь, чтобы я там землю унавоживал да коровам хвосты крутил? Так я этого делать не умею.

– Ты же механик, каких поискать. У тебя руки золотые. В автохозяйстве там ты будешь незаменим. Да тебе цены там не будет!.. И для меня в амбулатории место найдется...

– Ну ты даешь, – снова усмехнулся он, мотнув головой и постукивая носком шлепанца о пол. – Все фигуры по клеткам расставила! Так говоришь, будто прямо завтра и поедешь

– А почему бы и нет!..

На кухне громко заиграла музыка. Это свекровь, поняв, что Клара уже не спит, включила репродуктор.

Клара встала и, натягивая халат, направилась в ванную. Мимоходом обратила внимание на беспорядок в комнате и окликнула дочку: «Алька! Вставай, бесстыжая, и принимайся за уборку, а то не пойдешь гулять!..»

Все сели завтракать, кроме Альки. Алька включила телик и смотрела свои любимые мультики. Свекровь подала котлеты с жареной картошкой и кофе со сгущенкой. Михаил медленно жевал котлету, вперив в одну точку задумчивый взгляд, а свекровь сидела напротив, без умолку говорила об Альке: что она получила вторую тройку по французскому, что многие родители нанимают репетитора, что давно пора купить девочке новую куртку, а то родители многих ее одноклассниц вернулись, поработав за границей, навезли долларов да всякого добра, и Алька рядом с подружками выглядит Золушкой. Потом она переключилась на другое, стала перечислять, загибая пальцы, что ей надо успеть сегодня сделать, каких овощей купить, в какой магазин пойти, чтобы хоть чем-то заполнить холодильник.

– Картошку не покупайте, – сказала Клара, наливая кофе в блюдце. – Завтра поеду в нашу деревню. Привезу оттуда молодой картошки, – и, заметив в глазах у свекрови недоумение, поспешно добавила: – Надо же посмотреть, как мамин дом...

– Так пусть и Михаил поедет, что ж это ты одна надумала, – сказала свекровь, кивнув на сына. – Может, там что подбить надо, подлатать… Пусть возьмет свои отгулы да поедет…

По вечерам они любили гулять на свежем воздухе, Михаил, Алька и она, Клара. Это вошло у них в привычку с той поры, когда Алька еще была крошечным ребенком в коляске, а когда научилась топать ножками, водили, держа за руки.

Было пасмурно, за весь день солнце так ни разу и не проглянуло. В любой момент мог пойти дождь, и они в этот раз не пошли на бульвар, где любили бывать, а прогуливались по ближним малолюдным улицам и переулкам. Михаил и Алька шли впереди, оживленно разговаривая, а Клара шагала по мокрому асфальту, засунув руки в карманы светлого плаща, чуть приотстав, и с умилением вспомнила то время, когда все, что Алька видела для себя новое, удивляло ее и восхищало необычностью цвета и формы: и листья на деревьях, и порхающие в кронах птицы, и меняющие очертания облака.

Прогуливаясь по бульвару, они любовались ухоженными деревьями, клумбами, старинными чугунными решетками оград. Михаил иногда опускался на корточки у края газона и подзывал Альку, показывая ей ползающего по клеверному цветку шмеля… У них были там по обе стороны аллеи свои любимые деревья – развесистая высокая рябина, усыпанная красными гроздьями плодов, стройная береза с шероховатой, шуршащей на ветру корой, молодая лиственница с пушистой голубой хвоей – они всегда останавливались около них с тихой радостью, а иногда подходили, ступив на газон, и прижимали к их шершавым стволам свои ладони. Просто так, не отдавая себе отчета. А может, у них была в этом потребность? Быть может, и лес, и каждое дерево в отдельности тоже возвращают человеку в минуты отчаяния душевный покой и

растраченную им энергию? Так же как море?.. Конечно. Скорее всего так оно и есть.

И снова у Клары тоскливо защемило сердце, когда она вспомнила про море. Как же счастливы люди, рожденные около моря!..

Сейчас там, по южную сторону невысоких гор, покрытых целым лесом одичавших садов, вблизи дороги, что вьется серой лентой, повторяя изгибы берега, то нависая над клокочущей бездной, то испуганно отбегая подальше, сыны моря и скал, зеленых лугов и холмов, заоблачных пастбищ и плодородных долин строят себе дома. В прародительнице земле и море черпают они свои силы.

Клара нагнала Михаила с Алькой, взяла обоих под руку и сказала:

– Идемте на бульвар! Разве тут место для прогулок?..

Михаил промолчал, только хмыкнул. А Алька странно посмотрела на мать. И Клара вспомнила, что и четверти часа не прошло, как они оба, муж и дочь, настаивали пойти на бульвар, а она наотрез отказалась, сославшись на то, что далеко, а она не взяла зонтика. И в самом деле, какая-то странная она стала. Бывает рассеянной. Ее грусть резко сменяется радостью – это когда вспоминает о предстоящей поездке в родную деревню. Но случается и наоборот. И тогда в ней кипит раздражение, как в плотно закрытой кастрюле, то и дело ее подмывает сказать что-то мужу поперек, хоть и бывает сама чаще не права. Но это пройдет. Вот съездят они с Михаилом в деревню, и всю эту дурь с нее как рукой снимет. А сейчас ее временами бесит, что муж никак не возьмет положенные ему несколько дней отгулов: то кто-то из отпуска еще не вернулся, то кого-то подменить ему надо, то еще черт-те что... Она бы сама, без него, давно бы уже съездила. Утром села в поезд – к вечеру уже там…

Муж и дочь ничего ей не ответили, однако свернули в переулок, который выводит к бульвару.

Смеркалось рано. Во многих окнах домов горел свет. Автомобили с включенными подфарниками шуршали шинами по мокрому асфальту. Взявшись за руки, они перебежали через дорогу и оказались на бульваре. Длинная аллея освещалась гирляндой люминесцентных фонарей. В отличие от погожих вечеров, сейчас тут было довольно безлюдно.

Клара подошла, продавливая каблуками вязкую землю, к знакомой рябине, обняла, как сестру, с которой давно не виделась и прижалась щекой: «Помоги, рябинушка, дай мне сил!..»

Холодный мелкий дождь начал сыпать с неба на унылые кроны деревьев, на пожухлую траву на газонах, на черный асфальт. А Кларе неохота было возвращаться домой, в их тесную неуютную каморку. Если бы не дождь, они бы еще долго прогуливались по бульвару, вымеряя медленными шагами аллеи из конца в конец, останавливаясь возле «своих» деревьев, собирая Альке листья для букета и гербария.

Чтобы не мешать беседе отца с дочерью, Клара опять приотстала и шагала за ними, глядя под ноги и засунув руки в глубокие карманы. Вдруг она решительно ускорила шаги, нагнала их и хотела с наигранной веселостью

сказать: «Знаешь, я завтра без тебя поеду в деревню. А то испортится погода и вовсе не выберемся!..» Она не сказала этого. А просто взяла обоих под руку. Но знала, что поедет. Быть может, не завтра, не послезавтра и не очень скоро. Она все-таки дождется, когда Михаил возьмет, наконец, свои отгулы.